

Вячеслав Сукhareв

ПРИЧАЛЫ ЛЮБВИ

Книга вторая

18+

Вячеслав Сукачев

Причалы любви. Книга вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сукачев В. В.

Причалы любви. Книга вторая / В. В. Сукачев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-8787-3

Первый роман Вячеслава Сукачева "Причалы любви" - произведение знаковое, определившее творческий путь автора. Каждая последующая книга Сукачева - лишь новый причал любви, где люди самых разных поколений всерьез и надолго "заболевают" этим потрясающим чувством. В романе много персонажей, так что сразу не определишь, кто из них главный, и это заставляет читателя пристально всматриваться в каждого героя. Молодой врач Славик Сергеев и его сестра Светлана, парашютист Огонек и браконьер Бочкин, красавица Лена, Надечка Дулина и хирург Виктор Щербунько - все они ищут и находят свои причалы любви.

ISBN 978-5-5320-8787-3

© Сукачев В. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	8
III	9
V	13
X	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Часть первая

I

Вначале все размыто и медленно плывет перед глазами, словно запустили бесконечный конвейер, грязно-серое полотно которого то мелко подрагивает, то вдруг крутится вспять, замирает, а затем с той же неумолимой последовательностью продолжает свое бессмысленное движение. Когда Андрей пытается заглянуть за воображаемую линию, за которой исчезает полотно конвейера, что-то больно и резко ударяет в мозг и тихая тьма покрывает его сознание. Возвращается конвейер не сразу, утомительными рывками, так что ломит виски, и тупая боль надолго поселяется в затылке. Некоторое время он с облегчением следит за однообразным движением конвейера, потом опять возникает неодолимое желание заглянуть за таинственную черту, и тогда опять: тьма, боль, конвейер. И так – бесконечно долго, он не знает и не помнит сколько. Но, кажется, Андрей постепенно начинает привыкать к этой странной, непонятной ему жизни. Так, он уже научился выделять какие-то периоды, не имеющие признаков и очертаний, по которым можно было бы их различать. Может быть, чуточку менялась окраска полотна, становилась не грязно-серой, а, допустим, серо-грязной. Важно не это, а то, что в эти мгновения ему становилось лучше, и он даже пытался что-то осмыслить, понять, но не успевал. Окраска менялась, и прежнее однообразное полотно двигалось перед его остановившимся взглядом.

В тот день, когда к Андрею пришли звуки, конвейер остановился. И в нем, этом опустылевшем полотне конвейера, появились отверстия, сквозь которые больно для глаз струился яркий белый свет...

- Да, зрачок реагирует.
- А давление прежнее...
- Все правильно. Теперь – витамины.
- Хорошо.
- Денька через два сообщите мне о его состоянии...

Андрей понял, что говорят о нем, но никаких выводов сделать из этого не успел, потому что сон – да, теперь уже сон, а не забытье – мягко и быстро навалился на него.

Через неделю, когда его перевели из реанимации в обычную палату, он уже пил горячий бульон и вообще, как сказала лечащий врач, «вел разгульный образ жизни». Выразилось это в том, что Андрей к бульону запросил какой-нибудь добавки, а этого-то ему пока не позволили.

– Потерпи, милоч, – сказала пожилая няня, левой рукой поддерживая голову Андрея, а правой поднося ложку ко рту, – ты ведь только что оттуда, где и вообще не едят. И то чудо, что тебя Сергей Сергеевич из покойничков вытащил. Шутка ли – такая рана... А кровушки сколько потерял! Только я цельный литр отдала. То-то же... Чем будешь рассчитываться?

– Спасибо, – шепчет Андрей.

– Чего там «спасибо». Я, Андрюша, двадцать восемь лет в донорах хожу. Я этой крови из себя, может быть, тонну выкачала. – Няня засмеялась. – Товарки-то все пугали меня: высохнешь, мол, Тоська, как есть высохнешь без крови-то. А я, посмотри, что в ширину, что в высоту – одинакова буду. Так-то вот, Андрюша: троих вырастила, и тоже не малокровные, дай бог каждому ихнего здоровья.

Андрей слушал внимательно, серьезно, привыкая к человеческой речи, потом, устало откинувшись на подушку, с удовольствием выговаривал слова:

– Руки у вас... как у моей... мамы... мягкие, теплые... спасибо вам.

– А я и сама вся такая-то – мягкая, – улыбнулась Тося. – Одно плохо: синяки долго не сходят... Где чуть что заденешь – уже есть, расплылся, холера, во всю ивановскую... Летом стыдно в сарафане ходить. Люди-то всякое могут подумать, а меня никто еще в жизни не забивал. Может, заслужу еще от кого, а пока вот – бог миловал.

Тося, собрав посуду, уходила из палаты, и тогда Андрей скашивал глаза на соседа, молча и безучастно лежавшего на койке у окна. Но сосед был или совсем плох, или отличался на редкость угрюмым и необщительным характером, потому что на слабые попытки Андрея завязать разговор – не реагировал. Как и Андрей, он выпивал свою долю лекарств и бульона, после чего затихал до следующего прихода медсестры или врача.

Но и так было хорошо на душе, удивительно хорошо. Ну, разве не чудо – солнечный зайчик на щеке? Теплый, медленно переползающий на подушку. Андрей, сколько можно было, пододвигал голову под солнечный луч, но, увы, можно было совсем немного.

А вершины тополей, которые он видел в окно, разве не чудо?! А свет звезд в том же окне? А лунная дорожка на полу? А запахи и звуки, которые вновь – после долгой отлучки – вернулись к нему?..

Он много спал: после обхода, уколов, бульона, витаминов он мгновенно засыпал. И это тоже было чудо, поскольку, засыпая, он оставлял краешек солнца в левом нижнем углу окна, а просыпаясь, видел его – запутавшимся среди желтой листвы тополей – уже в верхнем стекле. Утром и вечером, когда проветривалась палата, он слышал воробьиные базары, что затевались среди тополиных ветвей. И ничего, казалось Андрею, не могло быть прекраснее, чем это дружное и быстрое чириканье птичьей мелкоты, решавшей свои осенние проблемы...

Как-то он сказал няне:

– Сил нет – встать хочется, хотя бы вон туда, к окну, подойти...

– Что-о? – удивилась Тося. – Вчера еще бог знает где был, а нынче уже вставать собрался! Успеешь, Андрюша, какие твои годы... – И посоветовала: – Завтра профессор будет, ты у него и спрашивай, а боле никто тебя с постели не спустит, не надейся.

– Спасибо, Тося.

– Хитер ты, Андрюшка, – засмеялась Тося, – ласковый да послушный, а чуть дай тебе волю – в окно сигать начнешь.

– Не-ет, – улынулся Андрей, – я в окно не мастак... Мне бы только с кровати подняться.

– Вот завтра и просись у профессора. Только очень сильно я сомневаюсь, чтоб разрешил, – закончила разговор Тося.

Перед утренним обходом словно сквознячок по всей больнице пронесся: забежали сестры и нянечки, зашущукались ходячие больные, от палаты к палате, звонко щелкая металлическими подковками по кафельному полу, пробежала дежурный врач. Потом заведующий отделением протрусил, заглядывая в палаты и многозначительно прижимая толстый палец к губам. И вот наконец-то появился сам виновник переполоха... Андрей, невольно поддавшись общей панике, с тревожным ожиданием смотрел, как быстро и уверенно подходит к нему профессор, невнимательно слушая Веру Ивановну, лечащего врача. Так же быстро и уверенно взяв руку Андрея, он спросил:

– Что показывают анализы?

Вера Ивановна торопливо и тихо начала объяснять.

– Громче, пожалуйста, – попросил профессор, – нас никто не подслушивает.

Андрей окончательно оробел.

– Что скажете, молодой человек? – услышал он обращенный к нему вопрос.

– Н-ничего, – растерялся Андрей.

– Вот тебе раз, – неожиданно улынулся профессор и, повернувшись к Вере Ивановне, добродушно спросил: – Что это он у вас такой неразговорчивый? Не кормите, что ли?

– Кормим, – покраснела Вера Ивановна.

– И на какой же он у вас диете?

– На щадящей...

Профессор перестал улыбаться.

– А вы и в самом деле его голодом морите, если так... Такого молодца давно пора переводить на общую диету.

– Хорошо, Сергей Сергеевич, – с готовностью откликнулась Вера Ивановна.

– Да, – что-то вспомнил профессор и опять улыбнулся, – к вам посетители рвутся – отбоя нет... Но пока еще рано. Потерпите. Может быть, дня через два-три. В общем, все зависит от того, как вы будете выздоравливать...

– Мне бы, – решился Андрей, – разрешили встать. – Он замялся и добавил: – А то неудобно как-то перед нянечкой...

– Что-о? – густые брови профессора сошлись к переносице и уже не ему, Андрею, а Вере Ивановне он строго сказал: – Пожалуйста, после обхода объясните больному, откуда и как он выкарабкался...

У соседней кровати Сергей Сергеевич не задержался, лишь отрывисто велел:

– Этого – на ноги. Пусть ходит...

Минут через двадцать в палату вернулась Вера Ивановна и принялась упрекать Андрея:

– Да вы что, Иванов? Гулять ему захотелось! Перед нянечкой, видите ли, ему неудобно...

II

– Тс-с-с... – Тося испуганно оглядывается, качает головой, склоняется над Андреем и укоризненно шепчет: – Мороки с тобой, Андрюха, не оберешься... Гости к тебе, а пускать не велено, да и не пустить – грех, право слово.

– Кто? – Андрей напрягся, быстро переводя взгляд с Тоси на дверь и обратно.

– Сейчас увидишь... Только тихо у меня. Ни звука чтобы!

Тося выходит, и почти сразу в палату проскальзывает высокая девушка в белом халате. Она ловко подмигивает Андрею, смеется, и тут же из-за ее спины появляется Валя. Все это происходит так быстро, неожиданно и неправдоподобно, что Андрей невольно закрывает глаза и чувствует горячие Валины губы на своей щеке, на своих губах.

– Андрюшка, пар-разит, – плачет и смеется Валя, – не послушал меня, поехал все-таки, вот и вышло...

– Валя, Валюха, – приглушенно бормочет Андрей, глядя ее руку. – Как ты оказалась здесь? Когда приехала?

– Ой, не спрашивай. – Валя пристально всматривается в бледное, осунувшееся лицо Андрея. – Я только на минутку, – шепчет она, – на одну минуточку... К тебе ведь еще нельзя, профессор не разрешает, и все его боятся послушаться. А тут Светлана, отчаянная, пройдем, говорит. Ну, вот и прошли.

– Какая Светлана? – не понимает Андрей.

– Потом, Андрюха, – Валя вновь целует его и всхлипывает, и легонько отстраняется, стараясь лучше разглядеть его лицо. – А люди какие, Андрюха, какие люди! Я ведь все это время у них живу, и ни капельки не совестно, так они ко мне хорошо и ласково все относятся... Как ты себя чувствуешь, Андрюша?

– Я-то чего, а вот ты как? – Андрей смотрит на округлившийся Валин живот.

– Валя, – тихо окликает от порога высокая девушка, – нам пора.

– Все, все, все! – вкатывается в палату Тося. – Повидались – и будя. Меня не подводите. Не дай бог – дежурный врач придет.

– Бежать надо, Андрюшка, – Валя на секунду крепко прижалась к нему, прошептала: – Выздоровливай поскорее...

И еще через мгновение – тишина, словно никогда и никого здесь не было, и только удивленно-вопросительный взгляд Андрея замедленно блуждает по палате. Если честно – профессор прав, потому что Андрей ослаб, утомлен и как-то излишне часто, тревожно начало стучать его сердце... Он, никогда не задумывавшийся, где оно, это сердце, и что с ним, теперь удивленно и беспокойно прислушивается к его пульсирующим толчкам, представляя этакий треугольный комочек, совершенно беспомощный и ненадежный.

Скрипнула соседняя кровать, потом там вздохнули, и снова тихо в палате.

III

Середина сентября на Нижнем Амуре пора благодатная, славная, и редкий человек не поддается ее очарованию, многообразию красок в природе. Только что отшумела кетовая путина, обсыхают на берегах сети и хорошо просмоленные лодки-анюйки, и лишь на рыбозаводах кипит горячая работа по переработке добытой кеты. А ранними утрами между тем потянули на юг первые журавли. Летят они высоко, и далекое их курлыкание томит душу... И кружатся, и падают листья, и путь их к земле наполнен печалью, ибо свершился в жизни еще один круговорот, и можно ли не задуматься, не взгрустнуть над поникшим листом? Но тут же и забудешься, потому как поднял лишь голову, а встречу тебе, прямо в глаза, плывут паутины позднего бабьего лета, и день, такой теплый, насквозь прошитый солнцем, мягко стелется по твоему благословенному краю. И заторопишься жить, враз и серьезно осмыслив, что нет, не твой еще черед: будут у тебя еще и светлые зори, попьешь ты еще лесной тишины, остудишь ноги в росных душистых травах, обдует тебя еще не раз тревожный холодок мечты. И пошел ты по земле, по желтой россыпи оброненных осенью листьев, и готов ты уже для новой жизни и новых листопадов... Для новой памяти готов ты, для возрождения готовы деревья

Знакомый кабинет на этот раз уже не вызвал в Вячеславе Сергееве трепета и желания стоять у двери чуть ли не навтыжку. Наоборот, показался он Вячеславу странно маленьким и тесным. Да еще этот низкий потолок и широкие щели между половицами. А когда Ираида Григорьевна встала и тяжело вышагнула из-за стола навстречу, кабинет как бы и того больше сплющился, сжался со всех сторон, придавил сверху поперечным брусом, под которым висела на электрошнуре обыкновенная выцветшая люстра, засиженная обыкновенными мухами.

– Очень рада, оч-чень рада вас видеть, Вячеслав Сергеевич!

– Я тоже рад, Ираида Григорьевна... Здравствуйте.

– Здравствуйте... Присаживайтесь, пожалуйста, не стесняйтесь.

Ираида Григорьевна не изменилась, все так же властно выражение ее лица и неожиданно вкрадчив голос.

– Как вы долетели? Как там у вас дела? Рассказывайте, Вячеслав Сергеевич.

Ираида Григорьевна уже вновь за столом, отодвигает в сторону бумаги, усаживается поудобнее и готовится, как видно, долго слушать.

– А что рассказывать, Ираида Григорьевна? – пожимает плечами Вячеслав. – Я ведь вам по телефону о каждом своем шаге докладывал...

– А вы не докладывайте, Вячеслав Сергеевич, просто расскажите.

Вячеслав удивленно взглядывает на Ираиду Григорьевну, видит в ее глазах неподдельный интерес и вначале медленно, с паузами, а потом все более увлекаясь и уже ничего не замечая, принимается рассказывать. Ираида Григорьевна изредка прерывала его, уточняя какие-то детали или же переспрашивая о непонятных ей вещах. Славик хмурился, объяснял и вновь увлекался рассказом, потому что все увиденное и пережитое им слишком живо еще стояло перед глазами. Когда он закончил свой рассказ и облегченно откинулся на спинку стула, Ираида Григорьевна с упреком спросила:

– Ну а почему же вы о себе ничего не рассказали?

– Я рассказал... Как мог – рассказал.

– Вы очень повзрослели за это время, – всматриваясь в Вячеслава, неожиданно заметила Ираида Григорьевна. – Что у вас было с глазами?

– Небольшой ожог хрусталиков...

– Как теперь себя чувствуете?

– Нормально.

– И все-таки покажитесь в Хабаровске окулисту.

– Хорошо, Ираида Григорьевна, обязательно покажусь...

– Значит, говорите, строительство амбулатории заканчивают? – перешла на деловой тон Ираида Григорьевна.

– Стены уже под крышу подвели, – оживился Вячеслав, – а с крышей задержка – местный ДОК нам вовремя стропила не поставил.

– ДОК? – нахмурилась Ираида Григорьевна и тут же вспомнила: – Ах да, деревообрабатывающий комбинат. На них тоже, Вячеслав Сергеевич, сильно-то не нажмешь. В районе семь поселков сгорело, и всем нужны пиломатериалы... Ну а как дела с больницей?

– С больницей – плохо. Дальше фундамента пока дело не пошло. Но выход есть. На зиму под палату переоборудуем мой кабинет и ординаторскую. Я прикинул, коек пять поставить можно будет, так что выкрутимся.

– Молодец! – искренне обрадовалась Ираида Григорьевна. – Желаю удачи в Хабаровске.

– Спасибо.

– Я ведь почему вас в краевой цент отправляю? Вы как заведующий, конечно же, лучше подберете себе оборудование. Правда, я не думаю, что снабженцы погорельцев рискнут обижать, ну а вдруг! В прошлом году наш Яков такую бормашину привез, что весь Прибрежный район смеялся. А Вераскес съязвил, что этим уникальным приспособлением обслуживали, дескать, еще матросов Невельского... Так что, Вячеслав Сергеевич, будьте там, пожалуйста, начеку. Вам с этим оборудованием работать.

– Постараюсь, Ираида Григорьевна. – Вячеслав поднялся.

– Да, – Ираида Григорьевна заговорщицки улыбнулась, – я слышала, что в вашей личной жизни намечаются серьезные перемены?

«Анна Тихоновна доложила, – сразу догадался Вячеслав Сергеев. – И здесь отличилась».

– Намечаются, Ираида Григорьевна...

– А начальство на свадьбу пригласите?

– Обязательно.

– Значит, мир, Вячеслав Сергеевич?

– Мир, – обрадованно заулыбался Вячеслав, протягивая Ираиде Григорьевне руку...

«Странные пирожки кушала буржуазия, – размышлял Славик, пока автобус, подобравший его по дороге, бодро и весело катил в аэропорт. – Что такое случилось с Ираидой Григорьевной? Ни словом не обмолвилась про Анну Тихоновну, словно бы и не знает, что я запретил заготавливать рыбу для больницы. Что-то здесь не так, но что? А впрочем – время покажет. Бог с ними, с Анной Тихоновной и Ираидой Григорьевной. Главное, что я лечу в Хабаровск, что буду там буквально через несколько часов, а еще главное...»

Но в это время автобус резко тормознул, загremело пустое ведро, выкатившееся из-под сиденья, и пассажиры повалили на выход.

– Парень, сдачу возьми, – окликнул Сергеева водитель.

– Да ничего, не надо, – отмахнулся Вячеслав.

– Возьми, возьми, – настоял шофер. – Я студентов не обижаю.

«А Ираида Григорьевна говорит – повзрослел», – весело подумал Славик.

До самой посадки в самолет он взволнованно ходил по маленькому скверу, то и дело вздрагивая от хриплого, дребезжащего голоса диктора, объявлявшего вылеты в Охотск, Чумикан, Мариинское, – куда угодно, как думал Славик, только не в Хабаровск. Он и сам удивлялся своему волнению, потому что, когда улетал из Леденева, был совершенно спокоен и даже Тоню

сумел убедить в том, что равнодушен к предстоящей поездке. Она вроде бы поверила, но в самый последний момент не выдержала и тихо попросила:

– Ты с Надечкой, слышь, не очень-то, а?

Он засмеялся, помахал ей на прощание и вдруг споткнулся у самого трапа, и, когда уже подходил к люку, Тоня далеким и испуганным голосом прокричала:

– Ой, Слав, смотри-и! Примета нехорошая...

Кто-то засмеялся, что-то сказал, люк с треском захлопнули, и Тоня осталась внизу одна, и он долго ловил ее взглядом в круглый иллюминатор и увидел, когда самолет уже развернулся...

I

V

Дома Славик, как выразилась Светлана, «пошел по рукам». Его долго обнимали, разглядывали, удивлялись, а вот Анна Ивановна даже всплакнула, увидев, как возмужал и огрубел ее сын.

– И даже не подстригешься, – упрекнула она Славика.

– Ну что ты, Анна Ивановна, – поморщилась Светлана, – до модного максимума его волосам не хватает еще сантиметра три.

– Отстань, – рассердилась Анна Ивановна, – у тебя самой чего-то не хватает.

– Мамочка, – в притворном ужасе зажмурилась Светлана, – почему так грубо?

Славик, улыбаясь такой привычной и уже немного забытой им мимолетной перепалке сестры с матерью, раздал подарки и только теперь вспомнил о Вале.

– Что-о, ты Валю захотел увидеть?! – удивилась Светлана. – Я сама ее вижу не чаще одного раза в сутки. Вот если где-нибудь у магазина постоять или у больницы – другое дело, там ты ее быстрее встретишь...

– Понятно.

– Нет, Славик, ты давай рассказывай о своем житье-бытье: как там и чего там? – решительно распорядилась Светлана.

– Вот это уже дудки, – улыбнулся Славик, – вечером, когда все соберутся, тогда и расскажу. А то сейчас тебе, потом Борису, отцу, Лене, Вике – на всех меня не хватит.

– Уговорил, – неожиданно легко согласилась Светлана.

– Сынок, – громко окликнула мать, – ванна уже готова.

– Ванна? – И только теперь Вячеслав вспомнил, что он, оказывается, целых три месяца не был дома...

– Я тебе постелю в папином кабинете, хорошо? – спросила Анна Ивановна, когда он вышел из ванной комнаты. – В твоей комнате живут Борис с Леной.

– Конечно, мама.

– У тебя даже голос огрубел, Славик.

– А где они все: Борис, Лена, Вика?

Так ведь кто где, времени еще только пятый час... Вика в детском садике. Борис насчет квартиры хлопочет, скоро, видимо, съедут они от нас.

– Он что, действительно у профессора Бородулькина работает?

– У него... По научной части...

– Как? – Славик растерянно уставился на мать. – Но для этого надо какие-то научные работы иметь, научное звание...

– А у него все есть. Труды он с собой привез, звание скоро получит... В общем, потом ты сам с ним поговоришь.

Мать, как показалось Славiku, поспешнее, чем это нужно было, скрылась на кухне и уже оттуда спросила:

– Ты лучше о себе, Славик, расскажи. Тяжело?

– Есть маленько, мама.

– Вот видишь, – вздохнула Анна Ивановна, – не послушался тогда меня...

– И правильно сделал, – перебил Вячеслав, входя на кухню и обнимая мать, – зато там так интересно, мамочка. Одна Анна Тихоновна трех институтов стоит... Где бы я такую здесь встретил?

– Слышала я, ты там и еще кого-то нашел?

Славик засмеялся:

– Разведка доложила точно...

– Вот бы и приехали вместе, мы бы с отцом посмотрели, – выговаривала сыну Анна Ивановна. – А то ведь взяли моду: Борис без нашего ведома женился, Светлана что-то выкаблучивает, не поймешь... То у нее поэты, то художники, а теперь уже какой месяц из дома ни на шаг. Слова ей не скажи, лишний раз не спроси...

– А где она, кстати?

– В магазин пошла.

– Что у отца сегодня? Какие-нибудь совещания, встречи, операционный день?

– Даже не знаю... Позвони ему сам – он рад будет.

Но позвонил Славик не сразу, потому как хорошо знал, что профессор Сергеев пустячных телефонных разговоров не переносит, предпочитая видеть глаза собеседника. Однако случай, как позже решил Слава, был особенный, не терпевший никаких проволочек, и он снял телефонную трубку.

Ответила секретарь, Лидия Семеновна, узнав Славика, обрадовалась:

– У него небольшое совещание, но я вас соединю.

– Может быть, позже? – засомневался Славик.

– Позже вы его не застанете. Да ничего, я думаю, он не рассердится...

– Спасибо, Лидия Семеновна.

– Сергей Сергеевич, – услышал он голос Лидии Семеновны, говорившей по селектору, – вам звонит Вячеслав. Соединить? – и тут же обратилась к Славiku: – Пожалуйста, говорите.

– Здравствуй, папа, – Славик все-таки волновался, но в ответ услышал непривычно обрадованный, приглушенный голос отца:

– Здравствуй, здравствуй, сынок! Как долетел? Где ты сейчас?

– Дома, – ответил Славик и поторопился сообщить: – Я к тебе по делу.

– Смотри ты, какие нынче все деловые, – добродушно проворчал профессор. – Давай, выкладывай свое дело.

– Мне можно навестить Андрея Иванова?

– Когда?

– Сейчас.

– Сейчас? – переспросил профессор. – Ну что же... Только долго у него не задерживайся, он еще слабоват для визитов земляков. – Отец немного помедлил. – Да и мы тебя дома ждать будем.

– Спасибо, папа, – обрадовался Славик.

– Можешь и Валентину прихватить. Пусть лишний раз повидаются.

– Хорошо...

– Ну, до встречи.

И Славик заспешил. Торопливо переодевшись и причесавшись перед зеркалом, он уже из прихожей крикнул:

– Я пошел, мама.

– Куда? – удивилась Анна Ивановна, с кастрюлей в руке поспешно выглядывая из кухни.

– К Андрею. Если Валя подойдет – пусть приезжает в больницу. Папа разрешил.

– Хорошо... Постарайся не опаздывать к ужину.

– Постараюсь.

V

И в Хабаровске падали листья, но здесь деревья обнажались постепенно, все еще блистая в чистом солнечном дне золотым сиянием. Впрочем, в городе было все-таки гораздо теплее, и уже через несколько шагов Славик пожалел о том, что надел теплую, байковую куртку. С невольным вниманием приглядывался он к прохожим, ожидая встретить знакомых, но до самой клиники ему так никто и не попался, и это почему-то огорчило Вячеслава. Ему вдруг показалось, что город не очень-то приветливо встречает его, что город забыл о нем, просто-напросто вычеркнув из списков своих жителей. А он, Славик, все-таки родился здесь и прожил двадцать три года, и так бесцеремонно отнестись к нему лишь после трех месяцев разлуки, по меньшей мере – нечестно. Но вот уже и больничный сад, весь продутый золотисто-желтым сквозняком осени. А выздоравливающие, с метлами в руках, зачем-то сгребали в большие кучи этот удивительный свет, от которого их лица были как-то по-особенному праздничны...

– Мне к Иванову, – сказал Вячеслав в приемном покое.

– К какому такому Иванову? – сразу же вскинулась дежурная сестра. – На сегодня посещения окончены. Никаких Ивановых!

И девушка равнодушно отвернулась, прочищая перо авторучки.

Славик, не ожидавший такого приема, растерянно смотрел на аккуратную прическу дежурной.

– Вас должны были предупредить, – начал он неуверенно объяснять, – я только что прилетел и хотел...

– Мало что вы прилетели, – перебила бесстрастным тоном медсестра, – мало что вы хотели, а я вам повторяю – не положено, и разговор окончен.

Ну и что было делать? Вячеслав собрался уходить. В это время в приемный покой, на ходу расстегивая халат, вошла Вера Ивановна. Увидев Вячеслава, она обрадовалась, протянула руку и, легонько округлив глаза, удивленно произнесла:

– Славочка, но как вы изменились! Вы совершенно не похожи на себя прежнего.

– Ну что вы, Вера Ивановна, – смутился Славик, – какой был, таким и остался.

– Не скажите! Со стороны виднее... Мы здесь все переживали за вас, когда были эти ужасные пожары. А ваше село, говорят, совсем сгорело?

– Сгорело, – вздохнул Славик.

– Так вы теперь домой или только в гости?

– Буквально на пару дней, Вера Ивановна... Извините, а вам от отца звонили?

– Ах да! Звонила Лидия Семеновна. Сейчас я найду вам халат.

– Спасибо.

– А с Надей как, вы уже виделись или еще не успели?

Славик покраснел. Он думал, что уже потерял эту несчастную способность, эту мальчишескую слабость – краснеть. Ан нет! Повернувшись к зеркальному шкафу, как бы затем, чтобы поправить ворот тесноватого халата, Славик как можно непринужденнее ответил:

– Нет еще, Вера Ивановна... Я с самолета домой и сразу сюда.

– Вот будет для нее сюрприз! – восхитилась Вера Ивановна. – Вы позволите, Славочка, я ей первая о вас сообщу?

– Конечно, – вяло ответил Вячеслав.

– Надеюсь, вы к нам зайдете? – еще спросила Вера Ивановна, и Славик автоматически еще раз сказал:

– Конечно.

«Надо же было угадать именно в ее дежурство, – сердито думал он, взбегая на второй этаж. – Теперь без встречи никак не обойтись. Начнутся расспросы, почему я не писал все последнее время, надо будет что-то отвечать, а что? Или сразу прямо сказать: так, мол, и так... Извини, мол, Надечка, но так вот получилось, что встретил я замечательную девушку – Тоню. И как только построят в Леденева дома, так мы решили... А лучше ничего не говорить, – вдруг оробел Славик, шагая по длинному, стерильно чистому коридору, – а то еще сглазит как-нибудь...»

Андрей, лежа в постели поверх одеяла, читал книгу. Едва Вячеслав приоткрыл дверь в палату, как он тут же поднял глаза, и счастливая улыбка расплылась по его крупному лицу. Он поспешно сел, отыскивал ногами тапочки под кроватью, но Славик сделал знак рукой, чтобы он не вставал, и, подойдя, протянул руку.

– Ну порадовал! – усадив Вячеслава на стул, возбужденно говорил Андрей. – Мне Валюха сообщила, мол, должен приехать Вячеслав Сергеевич, а я не верю, думаю, когда это он сюда соберется... Раньше, думаю, я выздоровею да к нему в Леденева нагряну. Буду, решил, прощенья выпрашивать. Честное слово, Сергеич, я и Валентине так сказал.

– Какое еще прощенье? – не понял Славик.

– Ну как же, Сергеич, – нахмурился Андрей, – совестно мне перед тобой, честное слово. Вовек нам тебя не отблагодарить.

– Да ты это о чем, объясни, пожалуйста? – даже забеспокоился Вячеслав.

– Как же о чем, как же о чем? – Андрей взлохматил волосы на затылке. – Один раз тебе пришлось из-за меня семь верст киселя хлебать по Грустинке, не прошло и недели, а я вот он – тут как тут, друг сердечный – таракан запечный... И опять тебе сколько мороки доставил. А тут и Валюха на твоих родичей свалилась, как приданое из сундука... Женщина, понятия никакого, что тут она сиди или в Мухе – результат один...

– Знаешь, Андрей, – нахмурился Вячеслав, – я на тебя не буду обижаться за эти слова только потому, что ты еще болен, но в другой раз... Можно подумать, ты бы в таком случае поступил как-то иначе... Нет ведь? Так о чем может быть речь?

– Ясно. Вопрос погасили.

– Как здоровье?

– Начал ходить... Правда, пока немного, но – сам! Понимаешь? От постели до окна дойду – сердце колотится так, словно в гору поднялся, а мне все равно хорошо: хожу! Профессор говорит, что через пару недель и на выписку можно. Это, конечно, здорово, но только я хочу его попросить, чтобы пораньше... Через недельку, например. У Валюхи сроки подходят, понимаешь?

– Понимаю, – ответил Славик, хорошо зная, что просить в таких случаях отца бесполезно: сколько положено, столько Андрею и придется отлежать. Вот если уговорить его перевести Андрея в Леденевскую больницу... Но ведь, собственно, больницы как таковой пока еще нет. Только стены над фундаментом подняли...

– Что, не отпустит? – насторожился Андрей.

– Боюсь, что нет, – честно ответил Славик. – А почему бы Валентине не лечь в роддом здесь, в Хабаровске? Здесь и уход, и условия лучше нашего.

– Оно конечно, – увял Андрей, – да должен человек на своем месте родиться, одним словом – дома... А то ведь получится, как в инкубаторе. А после него люди шляются по земле, не помня дома и родства...

– Я, конечно, попробую поговорить с отцом, – неуверенно пообещал Славик, – но он у нас человек такой, как бы тебе сказать...

– А чего тут говорить, – перебил Андрей и улыбнулся: – Я теперь тоже его немного знаю.

Так они говорили, а солнце медленно опускалось за деревья, выкрасив вершины тополей в ярко-оранжевые тона. В саду жгли листья, и горьковатый дым всплыл в палату, пересилив запах свежих простыней и теплой масляной краски.

– Ты мне все по порядку расскажи, – попросил Вячеслав, – с самого начала и до выстрела.

И Андрей рассказал, начав с того, как не удалось ему тайком от Вали сбежать на речку, и как услышал он от Стасика о начавшемся ходе кеты на нерест, и как увидел Рашидку на берегу речки. Когда Андрей закончил свой рассказ, Вячеслав взволнованно спросил:

– Он же тебя предупредил, Рашидка, зачем же ты еще раз поехал за ним?

– Надо было ехать, Сергеич, тут уже зло на зло пошло...

– Но ты ведь знал, что он свое слово сдержит?

– Знал...

– А как же Валя тогда?

– Если честно, Сергеич, забыл я о ней в тот момент. – Андрей завозился на кровати. – Больше того, Сергеич, я ведь уже догадывался, в чем дело. Да что догадывался – точно знал, куда и зачем Рашидка путь держит. Такое удобное место ведь одно на Грустинке: со старицей, перекатом, узким русловым течением под скалой. А значит – мог я в этом месте Рашидку в любое время накрыть... Сообщить Груздинскому или, в крайнем случае, тому же Тигру Ильичу и накрыть Рашидку с поличным при свидетелях. Все это так, но надо знать и другое: сколько я за Рашидкой побегал, сколько он нерестовой рыбы сгубил и денег на книжку положил, пока меня к этой старице вывел! Понимаешь, Сергеич? И мог ли я в тогда же не довести дело до конца, не схватить Рашидку за руку?

– А вот ты, когда ружье увидел, когда уже знал, что в тебя сейчас выстрелят, о чем ты подумал?

– Да не знал я, что он в самом деле выстрелит, – махнул рукой Андрей, – откуда мне было знать? У меня ведь уже и следователь побывал, тоже расспрашивал... А Рашидка в первый раз над моей головой пальнул, с первого ствола-то, потом уже поправку взял, и вот тут я, может быть, за секунду, понял, что Рашидка на убийство пойдет... Ну а сделать... ничего сделать уже было нельзя. Тут загвоздка в другом, Сергеич... – Андрей напрягся, задумался, и его неожиданное волнение сразу же передалось Славику. – Понимаешь, сдается мне, что я там, у Рашидкиной лодки, еще одного человека видел. А Рашидка следователю говорит, что был один. Может, мне этот человек и пригрелся, пока я в беспамятстве был, но почему тогда Рашидка из дому без сетки выехал? Ведь не спиннингами, в самом деле, кету он собирался ловить? Да и стрелять по мне зачем ему было? Ну, пристал к старице, хотел мне голову поморочить, ну – припугнул даже: над головой стрелил, а вот зачем все-таки на убийство пошел? Это мне непонятно... Следователь там покрутился, угли от костра нашел, карандашный огрызок и чего-то еще, но это не улики...

– Ладно, Андрей, тебе вредно расстраиваться. А вот как выздоровеешь окончательно, вернешься домой, соберемся вместе с Груздинским и подробно поговорим. У него тоже к тебе какие-то вопросы есть, что-то он хочет у тебя уточнить... – Вячеслав, понизив голос и кивнув на соседа, спросил: – Мы не мешаем?

– А кто его знает, – пожал плечами Андрей.

Потом, само собой, разговор перешел на пожары. Вячеслав рассказал о том, как горело Леденево, как спасались люди и как до сих пор бродят по тайге одичавшие коровы.

– А вот мужики из Мухи – просто молодцы! – возбужденно говорил Славик. – Они заранее догадались обпахать село, а потом еще и бульдозером ров прорыли с той стороны, где лес близко к домам подходит. А наши, Леденевские, понадеялись на речку, на естественную водную преграду, как говорит Охотников. А пожар-то возьми и приди совершенно с другой стороны, да еще с таким ураганом, что и Грустинка ему была не преграда.

– Сколько леса пропало, – вздохнул Андрей, – сколько ключей и ручейков теперь пересохнет, и сколько деревьев еще упадет. А нет леса – не будет на берегах и островах Грустинки задерживаться снег. А без снега, Сергеич, промерзнут до грунта нерестилища и погибнут миллионы мальков... И сколько ягод и грибов не увидит тайга, стало быть, птицы и звери останутся без привычного корма и откочуют в другие уголья. Но там-то свои нахлебники у тайги, вот и начнутся болезни, голод...

И опять, как и в первый свой приезд к Андрею, Славик Сергеев поразился его умению мыслить обобщенно, масштабно, учитывая такие факты, о которых Славик и не подозревал. Ну, разве думал он о том, что жизнь мальков зависит от количества снега, а грибы и ягоды каким-то образом связаны с жизнью птиц и зверей. Конечно, он знал, что медведи любят малину, птицы кормятся рябиной и черемухой, но и только. Каких-то выводов, однако же, он из этого сделать не мог. И не потому ли, думал Славик, каждый год так упорно, с обидным постоянством горят дальневосточные леса, что многие люди не знают того, о чем рассказал Андрей.

– И ведь не просто сгорела тайга, – горячо продолжал Андрей, – сгорела среда обитания, а это значит, что здесь жили, развивались, из поколения в поколение совершенствуя свой род, сотни живых существ... Понимаешь? Живых! И вот прошел пожар, сгорели деревья, на их месте появятся вскоре кустарниковые заросли, да кочковатые мари, поросшие кукушкиным льном, козьей ивой, вейником и кипреем... И никому никакой радости от этого не будет: ни птице, ни зверю, ни человеку, а вот для комара и прочей нечисти – сушая благодать...

Когда Славик собрался уходить, было уже около семи часов вечера.

– Ну, зададут мне дома, – весело сказал он, – просили не опаздывать к ужину, а я вот засиделся у тебя. Да и ты, наверное, устал от меня?

– А чего мне уставать, – отмахнулся Андрей, – язык ведь без костей, знай себе – мелет.

– Я к тебе еще забегу, – пообещал Вячеслав. – Как только свои дела сделаю, так и забегу.

– Привет там от меня всему вашему дому, а уж благодарить я потом сам буду.

– Выздоровливай...

– Что же вы, – принимая халат, раздраженно сказала дежурная сестра, – сразу-то не назвали? А Вера Ивановна из-за вас мне нагоняй устроила...

– А вы меня не спрашивали, сразу, что называется, на дверь указали.

– Разве я обязана всех в лицо знать?

– Конечно – нет... А вот быть вежливой – непременно обязаны! Все-таки в больнице работаете... До свидания.

– До свидания, – сдерживаясь, ответила медсестра и, как только дверь за Вячеславом закрылась, в сердцах швырнула халат в угол.

У

И

Непривычно шумно и многолюдно было в этот вечер в доме Сергеевых. Раздвинули – чего давно уже не делали – стол в гостиной, накрыли его большой скатертью с кистями, с замысловатыми рисунками по углам... Скатерть была из китайского шелка, дорогая – давний подарок Сергею Сергеевичу на день рождения. Сколько Вячеслав помнил, пользовались ею только в новогодние праздники, когда приходило много гостей, а в углу нарядно сияла елка. И то, что нынче скатерть была извлечена на свет божий по поводу его приезда – переполняло Славика невольной благодарностью родителям.

Пока ставились разнообразные закуски и остывало в холодильнике вино – в доме ничего иного не пили, – Светлана взялась ввести Славика «в курс домашних дел».

– Так вот, мой милый сельский доктор, тебе уже несколько раз звонила Надечка Дулина... Это – во-первых, – Светлана энергично загнула палец. – Я, конечно, ценю твою провинциальную непосредственность, но на сегодня она не для нашего дома... Это – во-вторых...

– Светка, что-то уж больно торжественно ты выступаешь, – перебил Славик, – я ничего не понимаю.

– Просьба не перебивать, когда тебя уму-разуму учат. Это – в-третьих.

– А мне-то донесли, что ты здесь злючкой стала, как это у вас, в столицах, принято говорить: дискомфортным человеком?

– Это я ради тебя, Славочка, стараюсь, ты должен оценить.

– Ценю!

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Борис:

– Извините, у вас секреты?

– Секреты, – быстро ответила Светлана, – потерпи еще немного.

– Хорошо, – замялся Борис, – но там мама одна накрывает на стол...

– Вот и помоги ей, будь хоть раз умницей.

Дверь закрылась.

– Я знаю, ты его не любишь, – усмехнулся Вячеслав, – и все-таки можно бы чуточку вежливее со старшим братом.

– Слава, не ссорься со мной! – нахмурилась Светлана. – Я веду себя с ним так, как нахожу нужным... Так вот, милый доктор, давай по существу. Тебе надо запомнить вот что: нынче у нас в доме не принято говорить о медицине вообще и о работе – в частности. Нынче у нас в доме не принято упоминать имя Бородулькина и всю его научно-госпитальную деятельность. Кстати, ты знаешь о том, что Борис защищает кандидатскую диссертацию под покровительством профессора Бородулькина.

– Да...

– Об этом тоже не следует говорить.

– Хорошо...

– А тему его диссертации ты знаешь?

– Нет.

– Ладно, об этом он сам тебе расскажет... На следующей неделе он переедет от нас на улицу Серышева, займет большую генеральскую квартиру, через месяц защитит кандидатскую, получит капитанские погоны и будет по утрам отдавать честь полковнику Бородулькину... Хотя честь, как мне кажется, он ему уже отдал...

– Ты не одобряешь его выбор? – удивленно пожал плечами Слава.

– Я не помню полного названия его диссертации, – медленно, с нажимом проговорила Светлана, – но оканчивается она вот так: в полевых условиях, приравненных к боевым.

– Ну и что?

– А ты не понимаешь? – усмехнулась Светлана. – Где это он, в каких полевых условиях материал для диссертации добывал?

– Молодежь, вас ждут, – на этот раз в комнату заглянул Сергей Сергеевич. – Посекретничать вы еще успеете, так что будьте добры пройти к столу.

– Смотри, – шепнула Светлана, когда они уже выходили из комнаты, – не сболтни лишнего – весь вечер будет испорчен.

– Понятно, – так же тихо ответил Вячеслав, хотя он ровным счетом ничего не понимал. Он знал, что когда-то, очень давно, у отца с Бородулькиным была какая-то размолвка, но из-за чего она случилась и к чему привела – понятия не имел, так как дома на эту тему не принято было говорить. Между тем он видел в семейном альбоме фронтовые фотографии, на которых были засняты два еще совсем молоденьких майора, стоявших в обнимку на фоне палатки с красным крестом. Майорами были отец и Бородулкин. А на одной, большой фотографии, наклеенной на картон, фотограф запечатлел почти весь госпитальный медперсонал, и два майора сидели в самом центре, строго глядя в объектив, а где-то в третьем ряду, крайняя слева, едва видна круглолицая девушка с короткой стрижкой. Эта девушка станет впоследствии его,

Славика, матерью. И Славику всегда было немного странно, что вот они – один из майоров и девушка – вместе сфотографировались, дышали одним воздухом, ходили по одним и тем же коридорам прифронтового госпиталя и не знали о том, что вместе проживут жизнь, вырастят детей, и будут потом внимательно рассматривать именно этот снимок.

– Ты, Светлана, всегда что-нибудь придумашь, – упрекнула Анна Ивановна.

– А в чем дело?

– Увела гостя, и бог знает сколько времени, держишь его там взаперти...

– Славик, я тебя запирала? – Светлана как ни в чем ни бывало первая уселась за стол. – А где Валя, почему я не вижу Валентины?

– Да тише ты! – всерьез рассердилась мать. – Умывается она, чего раскричалась?

– Женщины! – опустил руку на стол Сергей Сергеевич.

– Ой, один прибор лишний, – заметила Светлана, – кто-то к нам придет...

Постепенно все расселись. Как-то само собой получилось, что Славику досталось место почти в центре стола, рядом с отцом, напротив него сидели Лена с Викой, потом Борис, Валентина, а по левую руку Светлана и мать.

Пока Сергей Сергеевич откупоривал бутылку вина, шепотом чертыхаясь по поводу раскрошившейся пробки, в комнате вдруг стало так тихо, что слышно было, как у соседей работает телевизор.

– Вот пробки делают, – профессор наполнил бокалы вином, – их только и можно, что внутрь протолкнуть, а извлечь наружу практически невозможно. Посмотри, Аня, я никого не забыл, всем налил?

– Скажут, если забыл.

– Ну что же, тогда к делу... Я хочу сказать, что поднимаем мы сегодня эти бокалы не только потому, что имеем удовольствие видеть этого молодого человека, – Сергей Сергеевич кивнул в сторону Славика, – хотя, конечно же, видеть нам его приятно. Мы поднимаем бокалы за тебя, Вячеслав, еще и потому, что приказом министра здравоохранения тебе объявлена благодарность за смелость и профессиональную находчивость в исключительно сложной пожарной обстановке.

– Славка! – вскочила Светлана, но тут же и села под сердитым взглядом отца.

– Я не скрою, мне было приятно получить это известие, – продолжал Сергей Сергеевич, – которое, как и для вас сейчас, явилось для меня полнейшей неожиданностью... Поздравляю и спасибо тебе, сын, за такой сюрприз!

Все потянулись с бокалами к Вячеславу, говоря ему что-то одобрительное, а он едва слышал их, потому что приказ министра и для него был не меньшей неожиданностью.

– Ох, Славка, хитрюга, – погрозила пальцем Светлана, – хоть бы намекнул одним словечком.

– Молодец, брат, – одобрил Борис, – рад за тебя...

Потом закусывали, и Сергей Сергеевич строго спросил:

– Кто готовил салат?

Анна Ивановна растерялась и не сразу нашлась с ответом.

– Или его готовый из магазина принесли? – настаивал Сергей Сергеевич.

– Нет, – смущенно ответила Лена, – не принесли, это я готовила...

– Хороший салат, – похвалил профессор, – да только вот – влюбилась, что ли?

– Неужели? – Лена еще более смутилась и вдруг густо покраснела, даже кончики тонких красивых ушей ее обдало жаром, и получилось так, что все это заметили и все тут же постарались сделать вид, что ничего особенного не произошло, что за их столом все идет нормально, и лишь Вика удивленно спросила:

– Мама, почему ты такая красная? У тебя головка болит, да?

И сразу три человека бросились спасать ситуацию.

– Я был сегодня у Андрея, – начал Вячеслав.

– Там у нас чай еще не кипит? – поднялась из-за стола Анна Ивановна.

– Я сегодня такие босоножки видела... – сообщила Валентина. – Просто закачаешься!

Поскольку сказано было все это в одно и то же время, все трое одновременно и умолкли, уступая право говорить друг другу, но выручила всех опять-таки Вика.

– Дедушка, – громко крикнула она, – а у тебя на щеке капуста!

– Разве? – профессор смущенно обмахнулся салфеткой, но тут же и засмеялся. – Это не капуста, Вика, а лейкопластырь.

– Зачем он тебе?

– Я брился и порезался.

– Тебе было больно?

– Вика, ты уже поела? – вмешалась Лена.

– Нет, мамочка, я еще не ела, я только разговаривала, – быстро нашлась Вика.

За столом засмеялись, а в это время затрезвонил телефон. Светлана побежала в прихожую, и все стали ждать, чем этот звонок закончится, забыв о неожиданном смущении Лены.

– Славик, это тебя, – сообщила Светлана, вновь усаживаясь за стол, – оч-ченно хотят с тобой поговорить.

– Со мной? – искренне удивился Вячеслав.

– А ты бы сказала, что мы ужинаем, – недовольно заметила Анна Ивановна.

– Я говорила...

– Узнали, что приехал, теперь поесть человеку не дадут.

Звонила Надечка Дулина. Звонила из ресторана и требовала Славика Сергеева немедленно к себе. Он начал было отказываться, но Надечка перешла на серьезный тон:

– Не хотела тебе об этом сейчас говорить, Славчуля, думала – ты сам приедешь сюда и ахнешь! Просто упадешь от удивления. Я, конечно, понимаю, что такое семейный ужин, но все дело в том, что мы гуляем на свадьбе Петьки Ремеслова!

– Как?! – невольно вырвалось у Вячеслава.

– А вот так... Дошло? Так что лови любой мотор или проси машину у отца – и в «Интурист», в малый зал на первом этаже. Ты здесь был когда-нибудь?

– Да нет, когда же...

– Хорошо. Я тебя встречу.

– А кто невеста? – еще успел спросить Славик. – Я ее знаю?

– А вот это ты узнаешь на месте... Приветик.

Очень не хотелось в этот вечер уходить из дому Вячеславу, оставлять семейное застолье, которое, собственно, только ради него устроили. Но что было делать: не пойти на свадьбу товарища, с которым проучился шесть лет, в одном гарнизоне проходил воинскую практику, Славик тоже не мог.

И как она узнала, что ты приехал? – возмущалась Светлана, наглаживая брату рубаху. – Небось, сам позвонил ей?

– Вот еще! Я Веру Ивановну в больнице встретил.

– Но завтра-то вечером мы можем на тебя рассчитывать? – спросил профессор. – Завтра, я надеюсь, у вас никто не женится и не разводится?..

– Да вроде бы нет.

– Ну что же, подадут сегодня горячее или нет? – нетерпеливо глянул на супругу Сергей Сергеевич.

И за столом наступило молчание, на этот раз никем не прерванное до самого конца ужина.

V

II

Надечку Дулину Вячеслав узнал не сразу и вынужден был отдать должное ее объективности, когда она писала, что сильно изменилась, и изменилась – к лучшему. В длинном вечернем платье цвета морской волны, с легким газовым шарфиком на плечах, она показалась Вячеславу выше и стройнее, чем была три месяца назад на теплоходе. Умело рассчитанный вырез платья... Наимоднейшая прическа в сочетании с неожиданно тонким блеском дорогих камушков в маленьких золотых сережках выгодно оттеняли смуглое лицо Надечки. И когда она пошла к нему, как-то особенно изящно придерживая двумя пальцами тяжелое платье у левого бедра, Вячеслав невольно заробел и по-школьному протянул руку. Надечка ее не заметила, высоко закинув руки, крепко обняла Славику за плечи, и долго поцеловала в губы. И пахла она той самой морской волной, под цвет которой было подобрано ее платье. Очень вкусно пахла, уютно и тепло...

– Как я соскучилась, – шепнула Надечка. – А ты – варвар, – неожиданно надула она губки.

– Почему?

– Потому... Ты не ответил на три моих письма.

– Видишь ли, – хотел объяснить Славик, но Надечка перебила его:

– Не надо, Славчуля, я не требую от тебя никаких объяснений. Я и так все знаю: о твоей распрекрасной северянке, о пожарах и даже – о приказе министра здравоохранения...

Вот тут Вячеслав опешил по-настоящему и взглянул на Дулину с некоторым испугом.

– Ну и что мы здесь стоим? Пошли скорее! Там все ждут тебя.

И Надечка, подхватив одной рукой платье, другой – Славику, быстро и ловко ступая по бетонным плитам голубыми туфельками на высоком каблуке, повела его в ресторан.

А свадьба гудела. И еще на что он сразу обратил внимание – за столом не было ни одного пожилого человека.

– Прошу любить и жаловать, – воскликнула Надечка, как только они вошли в зал. – Вячеслав Сергеевич Сергеев!

Кто-то слабо хлопнул в ладоши, кто-то многозначительно протянул: «О-о!» И лишь Петька Ремеслов, совершенно непривычный в строгом темном костюме и при галстуке, искренне обрадовался и полез обниматься.

– Слава! Вот молодчина! Пошли, познакомлю...

Они прошли к центру стола, где сидела черненькая, не очень симпатичная невеста в розовой фате, внимательно наблюдавшая за каждым Петькиным движением с таким выражением лица, словно он должен был здесь, в эту минуту, совершить какую-то невероятную глупость.

– Знакомьтесь: Алиса, Вячеслав Сергеев, – бойко представил их друг другу Петька.

– Очень приятно...

– А мы немного знакомы.

Вячеслав удивился.

– Не помните? Правда, это было очень давно, на катке. Вы там были с Надей, и она нас познакомила... Неужели не помните?

– Не помню...

– Мы с Надей живем в одном подъезде, а в школе вы опережали меня на три класса...

И она так смотрела черными, немного косящими глазами, так искренне хотела, чтобы Вячеслав ее узнал, что Слава не выдержал и с усилием произнес:

– Ах да, из одного подъезда... Конечно же, припоминаю... Вы еще часто падали тогда, на коньках.

– Я?! – теперь уже удивилась невеста и очень мило улыбнулась. – Ну что вы! Я ведь с семи лет в детскую спортивную школу ходила, где занималась фигурным катанием.

– Она у меня спортсменка, – гордо подтвердил Петр.

Славику поднесли штрафную: полный фужер не то шампанского, не то розового вина. Он пригубил и сразу почувствовал, что напиток крепкий и весь фужер ему не одолеть. Но Надечка, а за нею и остальные начали громко скандировать, прихлопывая в ладоши:

– Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна!

И Славик с усилием, перебарывая подступающую к горлу тошноту, выпил все. Потом его с кем-то познакомили, с кем-то он говорил и даже спорил, однако ни лиц новых знакомых, ни споров с ними не запомнил. Несколько раз он выходил танцевать, но его так покачивало, так вело в сторону, что пришлось оставить эту затею. Иногда, словно из мрака, выплывало раздурманившееся лицо Надечки. Славик бросался к ней, как к единственно близкому здесь человеку, но его вновь мотало, и Славик прочно прикипал к стулу. В какое-то мгновение он с необычайной четкостью понял, что надо уходить, немедленно, сейчас же, иначе может случиться что-то непоправимое. И он ушел бы, но его перехватили и потащили в круг танцевать... Потом полный провал в памяти, абсолютная темнота, после которой Славик ощутил себя в такси.

– Д-домой, д-домой, – обрадованно забубнил он, до физической боли желая немедленно очутиться в своей квартире, на диване, под надежной крышей.

– Сейчас, Славочка, сейчас будем дома, – тихо сказала Надечка, и от нее по-прежнему пахло чудными духами.

Славик обрадовался Надечке, что она не оставила его, что она рядом, и при случае есть на кого положиться. Он успокоился, расслабился и снова оказался за чертой осознанного бытия...

Потом был полутемный подъезд, бесконечные ступени и какие-то мальчишки с гитарой на подоконнике лестничной клетки.

– Мы куда? – трезвея, спросил Славик.

– Т-с-с! – приложила палец к губам Надечка. – Никаких вопросов...

Сидели прямо на полу и опять пили нечто такое, что Надечка называла коктейлем. Пили, как смешливо определила Надечка, на «брудештейн». Смысл был тот, что после каждого глотка надо было целоваться.

– Меня дома потеряли, – запоздало вспомнил Славик.

– Я позвонила и все уладила.

– Кто взял трубку?

– Света.

– Как все это... нехорошо...

– Почему же?

– У меня есть невеста, – решился сказать Славик и даже поежился при этом.

– Ну и что? – холодно спросила Надя. – У всех кто-нибудь да есть...

– И у тебя?

– Конечно... У меня есть ты! И не надо больше про невест...

И удивительно уютно было с Надечкой, и такая соблазнительная кожа светила в глубоком вырезе ее вечернего платья... И так темно было в комнате, что кружилась голова и вновь хотелось ничего не помнить. И Надечкины руки были так неожиданно сильны и уступчивы...

– Хватит, Славочка, хватит, – растормошила его утром Надя. – Не притворяйся, пора вставать, чай пить и уматывать отсюда. А то как бы нас ненароком на месте преступления не застали...

– У-у-у! – простонал Славик, первый раз в жизни испытывая невероятно сильный приступ головной боли. – Н-не могу...

– Вста-вай, – Надя присела на диван и легонько шлепала Славика по щекам, – приходи в себя. Не думала тебя таким пьяным увидеть. Ужас...

– Они там... чего-то намешали, – поморщился Славик, с отвращением припоминая вчерашнее гулянье.

– Ну, ничего, – успокоила Надя, – сейчас чая с лимоном попьешь и придешь в себя. Сильно голова-то болит?

– Да...

– Чего-нибудь помнишь или нет? – Надечка склонилась и поцеловала Славика где-то возле уха. Этот поцелуй, вполне домашний, спокойный, насторожил Славика, и он встревоженно спросил:

– А что?

– Да ничего, ничего, – засмеялась Надя. – Ты что это так перепугался?

– Попить бы чего-нибудь.

– Сейчас.

Надечка проворно скрылась на кухне и вскоре вернулась с дымящейся кружкой горячего чая. Сверху плавал сочный ломтик лимона, слегка припудренный сахаром.

– А холодной воды нельзя?

– Нет, – твердо ответила Надя, – чай с лимоном лучше.

– Спасибо.

– На здоровье. Да ты садись в постели-то, а то как будешь пить? Или меня стесняешься? – Надечка опять засмеялась.

– Да нет.

– Ну и садись.

– Горячий... Вячеслав отхлебнул, потом еще раз и еще. Чай оказался необыкновенно ароматным, с кислинкой, именно то, что ему надо было сейчас, и он с невольной признательностью посмотрел на Надечку.

– Вкусно?

– Еще как!

– А ты говорил...

– Что?

– Да ничего. Пей...

– Где это мы находимся?

– У знакомой. Не беспокойся, все в норме.

– А кто она?

– Знакомая, я же тебе сказала.

– А-а...

– Тебе что-нибудь не нравится?

– Да нет, – Вячеслав приходил в себя, – но все как-то так...

– Как?

– Странно.

– А чего здесь странного? – Надечка напряженно хохотнула. – Повеселились на свадьбе приятеля, поплясали и потом баиньки... Все как надо.

И вот только теперь, при ее последних словах, Славик наконец-то осмыслил происшедшее. И так скверно вдруг стало у него на душе.

– Как же так, Надя? – глухо спросил Славик, не в силах поднять на нее глаза. – У меня же там, в Леденеве, невеста...

– Ты об этом уже говорил, – быстро перебила Надя, – ночью.

– Да?

– Говорил, – Надечка глубоко вздохнула. – Да ты не расстраивайся, Славушка, я ничего к тебе не имею... Я сама так хотела. Са-а-а-м-а!

И так она это сказала, так выдернула сигарету из пачки, что Славик невольно подался к ней, обнял, неожиданно почувствовав, что Надечка вся, от головы до пят, по чьему-то неведомому велению сейчас близка и понятна ему.

– Ну?

– Я виноват, да? Сильно?

– Ты дурак, Сергеев. Бесконечная тупица... Разве об этом спрашивают?

– Я не хотел этого, честное слово.

– Да помолчи ты!

Надя крепко прижалась к нему и тихо всхлипнула.

– Все равно – прости меня! – заупрямился Славик.

– Была свадьба, понимаешь? А мы пошутили. И никто никому не обязан, если...

– Что?

– Ничего... Если не будет последствий.

– Ты думаешь...

– Я пока ничего не думаю... Лучше обними меня... вот так... Сильнее. И ни о чем я не хочу думать, понятно? Я хочу быть с тобой... Твоей... И молчи, молчи, молчи... Если ты скажешь сейчас хоть слово, я возненавижу тебя... Вот так... Славка-а...

У

Ш

К середине октября городской парк словно бы проредили, так светел и просторен стал он без листвы. Не покорила осень пока что только ольха. Ее листья, даже побитые морозом, так зелеными и упадут на землю. Дня три назад в городе появились первые «северяне» – веселые чечетки, хохлатые свиристели и красногрудые снегири. Торопливо проверяя свои зимние квартиры, птахи без усталости мотались из одного парка в другой, а на ночь укрывались под надежный еловый сумрак Хехцирского заповедника. В посвежевшем воздухе стал звонче дробный перестук дятлов. Вместе с поползнями, синицами и пищухами они занялись наисерьезнейшей работой: тщательно обследуют деревья, уничтожая вволю расплодившихся за лето насекомых. Всяк занят своим делом, потому как впереди не шутка – зима. Спешно запасают впрок корма расторопные бурундуки и белки, весело носятся в последние теплые дни по деревьям. Всерьез готовится к зиме и припозднившийся в этом году еж: поваляется на спине по сухо шуршащим листьям и торопливо топает в свое убежище, тщательно выстилая его и прихорашивая... А потом наступила ночь, когда густо и дружно потянули на юг гуси. Летели они высоко над городом, и словно бы из другого мира доносилось их тихое и грустное гоготанье...

Они прошли сквозь парк и остановились у самой дальней скамейки, густо припорошенной листьями.

– Похоже, что здесь всю осень никто не сидел.

– И вообще сюда никто не заходил...

– Присядем?

Они сели и несколько минут молчали, вживаясь в тишину этого тихого уголка, случайно обнаруженного ими. Высокие тополя с нежно-зеленой молодой кожей лениво и отрешенно роняли листья, и они плавно катились по стылому воздуху к земле.

– Знаешь, что я сейчас вспомнила?

– Нет.

– Помнишь, ты прилетел из тайги, а я провожала Светлану, и мы случайно встретились?

– Еще бы!

– А потом пошли в лес... Помнишь, там был такой светлый березняк?

– Конечно.

– Тогда тоже падали листья... Только те листья были первыми... Я даже не знаю, почему они тогда так рано начали падать. А теперь вот, – Лена протянула руку и поймала необычайно широкий, в мелких дырочках, словно бы прожженных увеличительным стеклом, лист, – падают последние. Не знаю, но как-то странно все это... На следующий день ты уехал. Помнишь?

–

– Конечно, помнишь... А я так спешила в тот день. Так хотела тебя увидеть. Приехала и бегу в эту вашу будочку. И уже чувствую, понимаю, что вас нет, но верить в это не хочу... Вот прибегаю к этой вашей будочке, а там – огромный замок. Я остановилась и не знаю, что дальше делать. Потом потихоньку пошла, сама не знаю куда... Так вот шла, шла и на взлетную полосу вышла. Слышу, что-то в динамик кричат, а что – не пойму. И вдруг меня кто-то за руку хватает. Знаешь, у меня чуть сердце не остановилось. А это мальчишка, техник, зеленый от злости. Куда, говорит, прётесь? Самолет из-за вас на второй круг пошел. Вот сдадим в милицию за хулиганство. А я у него и спрашиваю про вас. Ну, малый сразу пыл поубавил и говорит, что минут сорок как улетели... Тут я заплакала. Глупо, конечно, но мне так обидно стало, что всего-навсего каких-то сорок минут...

– А я готов был в драку полезть за то, что ребята так быстро собрались и загрузились в самолет. В другой раз кто-то обязательно опоздает, что-то забудут, а на этот раз все шло как по маслу. Взлетели, смотрю в иллюминатор – вроде не видно тебя, так и решил, что ты в последнюю минуту передумала ехать...

– Ну что ты! Как бы это я могла передумать? Ты бог знает куда отправляешься, а я вдруг взяла и – передумала? Хорошенькое дело...

– Да это было не так уж и далеко, каких-то восемьсот километров.

– Ничего себе!

– До Москвы – девять тысяч...

То до Москвы, а ты на пожары летел... Я за тебя очень боялась, у меня чувство такое было... нехорошее...

– Ну, это совсем напрасно, – Огонек осторожно привлек Лену и поцеловал. – Чего за меня бояться? Это я за тебя – боялся!

– Ты – за меня?! – Лена отстранилась, с удивлением и недоверием вглядываясь в лицо Огонька. – С какой стати? Что со мной могло случиться?

– Думал, переедешь в Хабаровск и забудешь, как обещала...

Наступила пауза, во время которой Огонек убрал руку с плеча Лены. Слышно было, как по соседней аллее прошел человек: листья, прихваченные ночными заморозками, чуть ли не кричали под ногами прохожего. И как-то неприятно, на одной ноте, поскрипывал за их спинами надломленный сучок.

– Я хотела, но у меня ничего не получилось, – тихо призналась Лена. – Я ведь и в твою авиабазу звонила, узнавала о тебе. Понимаешь, все о пожарах говорят: дома, на остановках, в магазине, а от тебя нет никаких известий. Я как дурочка чуть ли не каждый день на почту бегаю, меня уже там, у окошечка, узнают, а писем все нет. Каково! – Лена горько усмехнулась и искоса посмотрела на Огонька. – Как же тут забудешь?

– А очень хотелось?

– Вот я и позвонила, – словно не слышала вопроса Лена. – Разговаривала, как видно, с очень отзывчивым человеком... Он мне все объяснил: мол, связи с ними нет. Успокоил, так сказать. Кажется, Ковалев его фамилия...

– Ковалев?

– Да...

– Это же Вовка Коваль, – почему-то обрадовался Огонек, – мой земляк. Его самого потом в Бурятию кинули, до сих пор не возвратился.

– Вот, твой Коваль и сообщил мне: связь с ними потеряна. Представляешь мой восторг? Я бросилась в аэропорт, хотела к тебе лететь, но в самый последний момент остановилась. Даже не знаю, как это случилось, что я не улетила... словно кто за руку придержал. А так бы...

– Что?

– Не знаю... Мы ведь теперь в доме Сергеевых живем, профессора Сергеева... Слышал?

– Приходилось.

– Он – умнейший человек, все с полуслова понимает... Как бы я ему потом в глаза посмотрела? Ну что бы я ему сказала о том, где была?

– А может, надо все сказать? Самой... Не ждать вопросов, – осторожно сказал Огонек.

– Может быть, – без выражения повторила Лена, словно бы не поняв того, что ей сейчас сказали.

– Жить есть где... У нас с матерью свой дом. Еще отец строил. Места всем хватит. Правда, далековато от центра, но жить можно. Все живут. А, Лена?

– Может быть, – еще раз повторила Лена, представляя что угодно, но только не себя в качестве хозяйки собственного дома. Ей это показалось так дико, так противоестественно, что она непроизвольно откачнулась от Огонька. «Гос-споди, – подумалось ей, – они, может быть, и корову держат. А уж кур, уток – наверняка. И вот я утром в валенках (почему-то обязательно в них), в тяжелой куртке с тазом в руках. Сыплю зерно птицам. Они налетают со всех сторон, дерутся, жадно клюют и тут же гадят. Весь двор и снег вокруг двора изгажен... А мне – корову доить. Такой низкий, с толстыми ножками стульчик. Ножки в засохшем навозе. Бок у коровы – тоже в навозе. И хвост, которым корова хлещет меня по лицу, когда я сажусь на маленький стульчик под ее теплый бок...»

Сама того не сознавая, Лена представила все так, как некогда было у нее дома, в ее родной деревне, где родилась и выросла она, пока не уехала в восьмой класс в соседнее село. Она никогда не думала, не предполагала, что вспомнит свой дом таким вот – чужим и чуть ли не враждебным. Неужели она так отвыкла от всего, что ее окружало в детстве?

– Что ты сказал? – переспросила она и смутилась. – Прости, я задумалась... Не так все это просто, Володя, я уже говорила тебе об этом... А Вика? Куда деть Вику? Дом для нее есть, это хорошо, а отец?

– Вот это мне не нравится, – Огонек встал, прошелся и вновь сел. Достал пачку папирос, но закуривать не стал.

– Что именно тебе не нравится?

– А то, что как только надо решать, ты прячешься за дочь... Оч-чень это удобно...

– Я мать, не забывай.

– Да помню я, помню, – Огонек все же закурил. – Ты замужняя женщина, мать, отвечающая за воспитание своей дочери... Ты об этом мне уже раз десять говорила...

– И еще десять раз скажу.

– Вот и отлично... Но все это, знаешь... Об этом так часто не говорят.

И в это время, спасая их от серьезной ссоры, на ветки единственного в парке бархатного дерева шумно упали пестро раскрашенные хохлатые птицы. Они были так близко, что к ним невольно тянулась рука. Лена, затаив дыхание, разглядела расписные черно-бело-желтые, с красными позументами крылья птиц, их черные галстучки... Весело перекликаясь, не обращая внимания на людей, птицы принялись клевать еще не опавшие темные ягоды. Лена уже видела этих птиц и не раз видела, но вот как их называют – не могла вспомнить. И Огонек, словно догадавшись об этом, подсказал:

– Свиристели...

– Это они? Почему же я их не узнала?

– Откочевали с севера, – невольно вздохнул Огонек. – Значит, там теперь уже снег... Да и у нас он не за горами.

Свиристели так же внезапно, как прилетели, снялись с хрупких веток и красивыми, волнообразными нырками скрылись в глубине парка. Лишь несколько ягод, неловко оброненных птицами, темнели среди желтых листьев, да раскачивались задетые ими вершинки молодых елочек.

– Мы не виделись почти два месяца, – глухо сказал Огонек, – а такое впечатление, что всего два дня.

– Ты о чем?

– Да так, ни о чем... Сколько я помню, мы почему-то крутимся вокруг одной и той же проблемы... И ничего решить не можем.

– Тебя это не устраивает?

– А знаешь, Лена, ты изменилась, – круто переменял разговор Огонек.

– Возможно... Мне пора возвращаться. Надо еще за Викой в садик зайти.

– Быстро вы ее в садик устроили... Профессор помог?

– Да... Но только не Сергеев.

– Сколько профессоров, – усмехнулся Огонек.

– А чему здесь удивляться? – обиделась Лена и встала со скамьи. – У моего мужа есть научный руководитель, профессор Бородулькин. Только и всего.

– Понятно... У меня, конечно, такого руководителя нет.

Огонек продолжал сидеть на скамье, глядя прямо перед собой. И так одиноко он выглядел, что Лена не выдержала, склонилась к нему и крепко поцеловала. Волнуясь от своего же поцелуя, от прикосновения горячей руки Огонька, она расслабленно опустилась к нему на колени, быстро и горячо зашептала:

– Ничего не хочу знать, ничего... Можем мы встретиться просто так? Ну почему так много слов? Я устала от них... Слышишь, Вовка, ус-та-ла... Пожалей хоть ты меня... Пожалуйста...

Огонек, крепко обнимая Лену, продолжал холодно смотреть перед собой...

Они выходили из парка, когда солнце должно было вот-вот коснуться далекого горизонта, и по городу был разлит особенный, осенний уже, полусвет. Прозрачный воздух, слабо прогретый за день, легким холодком переполнял грудь, листья беспокойно шуршали под ногами, на Амуре тоскливо гудели последние катера, туго разрезая свинцовую воду потемневшей реки.

– Вот, встретились, – с сожалением вздохнула Лена.

Они пересекли площадь и остановились, чтобы попрощаться. И никак не находились подходящие слова, пока Огонек, наконец, не спросил:

– Мы еще встретимся?

– А ты этого хочешь? – как-то небрежно поинтересовалась Лена.

– Нет...

– Что-о?! – Лена быстро вскинула на Огонька синей тушью подведенные глаза.

– С такой, какая ты сейчас, мне встречаться не хочется...

– Вот и прекрасно... Но странно, однако, – Лена пожалала плечами и собралась уходить, когда вдруг на них чуть не налетел Вячеслав Сергеев.

– Лена? – удивился он. – Я тебя не узнал...

Была неловкая пауза. Лена смутилась. Впрочем, ни того ни другого Вячеслав не заметил.

– А я из управления бегу. Получил оборудование для больницы, – сообщил Вячеслав. – У нас же все там сгорело...

– Я знаю.

– Ты домой?

– Да нет, мне еще за Викой надо зайти.

– В таком случае нам не по пути. До вечера.

Вячеслав торопливо протянул руку, и Огонек крепко ее пожал.

– Кто это? – спросил Огонек, как только Вячеслав скрылся за спинами прохожих.

– Это мой деверь, Славик Сергеев, – Лена невольно улыбнулась.

– Кажется, я его где-то видел, – наморщил лоб Огонек. – Точно помню – видел... Но где?

– Володя, мне пора. Я опаздываю в садик...

– Поедем в воскресенье на левый берег? – вдруг легко и просто спросил Огонек.

– Даже не знаю... Все будут дома, что я скажу?

– Придумай что-нибудь, Лена, пожалуйста, – горячо попросил Огонек. – У подружки ты, у друзей – где угодно... А?

– Не знаю, – неуверенно ответила Лена, – разве что...

– Леночка, пожалуйста! – перебил ее Огонек. – Я буду ждать тебя здесь же. В полдень.

Идет?

– Я постараюсь...

– Пожалуйста, постарайся.

– Пошла я, – Лена коснулась руки Огонька и быстро зашагала по улице Тургенева. Поравнявшись с цветочными лотками, оглянулась и помахала на прощание.

А Огонек, пока можно было, провожал взглядом ее стройную, ладную фигурку в красном плаще и высоких красных сапожках на среднем каблуке. Он очень хотел, чтобы Лена оглянулась еще раз, но она не оглянулась.

I

X

В первый раз увидев Бориса в офицерской форме, Лена поразились: форма ему шла. Более того – она ему очень шла! Ничем ни примечательный, склонный к полноте, он вдруг превратился в стройного, подтянутого мужчину, который, казалось, твердо знает, чего хочет от жизни... Через неделю это впечатление не прошло, не прошло оно и через месяц. Лена стала замечать, что Борис нравится женщинам. Особенно офицерским женам. Что-то вроде ревности шевельнулось в Лене, но она пока еще не верила в это чувство. Странно и приятно было видеть и то, как иногда черная «Волга» заезжала за Борисом и солдат-водитель, распахивая дверцу автомашины, отдавал Борису честь, на что он отвечал довольно ловким, небрежным кивком. Так же ловко и небрежно, с непонятно откуда взявшимся шиком, Борис носил новенькую офицерскую форму. «Да он что, где-то потихоньку всему этому учится? – невольно думала она. – Ведь нельзя вот так, сразу, влезть в новую одежду и чувствовать себя в ней прекрасно. Вон, к новому платью или кофточке сколько приходится привыкать: где-то тянет, где-то морщит...» Но Борис, похоже, был просто создан для формы. Смешно, Лена даже себе стеснялась сознаться в том, что Бориса в форме она побаивается, вернее сказать – робеет перед ним. По крайней мере – робела в первое время. Потом, она никак не могла запомнить, какое количество звездочек соответствует какому званию. И ей всегда надо было делать усилие над собой, чтобы свести воедино четыре звездочки на погонах Бориса и звание «капитан».

В первый раз, когда Борис привез и свалил в комнате на диван свое обмундирование, она была поражена запахом кожи, казенного сукна и еще чего-то такого, особенного. Проводив Бориса в ванную комнату, Лена потихоньку потрогала каждую вещь. Но заглянула в комнату Светлана и насмешливо спросила:

– Что Борис Сергеевич новую сбрую получил?

– Форму, – поправила Лена. – Сбрую, по-моему, только для лошадей получают...

– Вот и стала ты офицершей. Поздравляю!

– Спасибо... А тебе не нравится, да? – с вызовом спросила Лена.

– Нет...

– И почему же?

– Душок от всего этого какой-то нехороший...

– Серьезно? – Лена села на диван и нахмурилась. – А вот мне кажется, что вы все недолюбливаете Бориса и страшно завидуете ему.

– Завидуем? – Светлана округлила глаза.

– Да, именно: за-ви-ду-е-те... Иначе почему вот этот тон? С чего бы такое презрение? Хорошо, Борис пока ничего не сделал для науки, а вот ты-то сама, что успела сделать, кроме...

И Лена чуть было не сказала, сдержавшись в самое последнее мгновение.

– Кроме? Ты не договорила. Пожалуйста, продолжай...

– Не стоит... Света, мы очень мешаем вам, да? Вика балуется, бегает по комнатам, мы вечером за общим столом сидим, да?

– Никак не могу решить, – поморщилась Светлана, – ты в самом деле ничего не понимаешь или тебе удобно не понимать? Впрочем, это дело твое... Извини, конечно, если я тебе помешала.

– Да нет, ничего, пожалуйста, – холодно ответила Лена.

Несколько минут она просидела на диване, словно в оцепенении, успокаиваясь и сдерживая себя, чтобы не разрыдаться. Борис, вернувшийся из ванной комнаты, заметил ее состояние.

– Что случилось, Лена? – озабоченно спросил он, растираясь жестким полотенцем у зеркала.

– Ничего...

– Но ведь что-то случилось? Я же вижу...

– Почему они тебя так не любят?

Борис удивленно оглянулся, аккуратно свернул полотенце и спросил:

– Кто?

– Ну, Светлана, например...

– Вот чего не могу сказать, того не могу... Только я не пойму, с каких пор ты о ней во множественном числе отзываешься?

– Да я не только о ней...

– О ком же еще?

– Какие у тебя отношения с отцом? Вы же едва-едва здороваетесь, а Виктора Щербунько он при встрече обнимает... Почему?

Борис помолчал. Прошелся по комнате и остановился рядом с Леной.

– Знаешь, мать, – тихо сказал он, – не все в жизни можно объяснить... Я, конечно, попытаюсь, но не сейчас. Вот переедем в свою квартиру, там у нас с тобой будет возможность для такого разговора...

– Скорее бы, – невольно вздохнула Лена.

– Потерпи. Теперь уже совсем скоро, через недельку, крайний срок – две.

– Что-о?! И ты молчишь?

Борис осторожно привлек Лену и поцеловал в щеку, потом, легонько раскачивая ее, медленно и спокойно пояснил:

– Я готовил для тебя сюрприз, но вот, видишь, не выдержал. У нас все будет хорошо, Леночка, только надо еще немного подождать. Понимаешь? Я это тебе говорю вполне ответственно: у нас будет все! Очень скоро я защищусь. Да, Леночка... А там, возможно, будет длительная поездка в Москву. Всей семьей. И не на месяц, Леночка, и даже – не на год...

– Боренька! – ахнула от удивления Лена. – Да ты не выдумываешь ли?

Но она уже знала, понимала, что нет, и ей грезилось что-то такое, пока что малопонятное и самой, но чрезвычайно любопытное: большой и высокий зал, свечи, много дорогих свечей в бронзовых подсвечниках на львиных лапах, женщины в темных вечерних платьях и мужчины в белых сорочках с бабочкой и бильярдными киями... Откуда это, почему, с какой стати свечи и бильярдные кии, она, наверное, и под гипнозом не смогла бы объяснить, однако же...

– Я говорю вполне серьезно, но пока об этом... – Борис приложил палец к губам, а увидев растерянность Лены, засмеялся: – Между нами, хорошо?

– Вика, что ты сегодня натворила?

– Я не творила.

– Как же «не творила», если воспитательница рассказала бог знает что...

– Я не творила, – упрямо нахмурилась Вика, – я подралась.

– Даже так?

– Пусть он не трогает чужие шарики... А то все время возьмет шарики, как будто он один хочет с ними играть, а больше никто не хочет.

– Какие шарики?

– Шарики. Играть. Они деревянные и громко катаются по полу.

– Та-ак... Так почему же надо обязательно драться из-за них?

– Ты глупая?

– Вика! – Лена дернула дочку за руку.

– Я же тебе уже говорила, что он все шарики забрал. Умный какой, только наоборот.

– Кто он?

– Сашка Бураков, кто... Он самый вредный в группе, вот кто...

– Понятно... А почему ты не сказала воспитательнице, что он все шарики забрал?

– Я кто – ябеда?

– Ну, в данном случае – нет.

– А кто?

– Девочка, которая хочет играть с шариками.

– Это после того, как ябеда?

– Перестань... с тобой невозможно нормально разговаривать.

– Я подошла к нему, когда он все шарики забрал. Я подошла и встала. Стою я, стою, а он спрашивает, чего ты здесь стоишь? Я ему говорю, тебе места жалко, да? Он говорит, что да. Тогда отдай шарики, я ему сказала, ты не один хочешь с ними играть. А он сидит на земле, и затылок у него стриженный... Ну и вот, когда сказал, что не даст, я ему по этому стриженному затылку ка-ак тресну! Он испугался и затылок свой стриженный руками закрыл, а я шарики забрала и убежала. Потом Нинке дала, Сереже дала, Клюкве дала...

– Кому-у?

– Девочка одна у нас, мы ее Клюквой зовем. Она красная все время. Надо ее папе показать, может быть, она больная... Вот, я всем шарики раздала и ему один оставила, а он не захотел брать.

– А я вот тебе сейчас тресну по затылку! Тебе понравится?

– Конечно, ты большая, – вздохнула Вика.

– Но я ведь этого не делаю, – у Лены в самом деле было сильное желание хоть разок отшлепать дочку. – А почему, как ты думаешь?

– Почему?

– Да потому, что кулаками ничего не докажешь. Для этого человеку дан язык. Это только невоспитанные дяди дерутся, а хорошие убеждают словами.

– А тети?

– И тети – тоже. В первую очередь... Ты меня хорошо поняла?

– А если он не отдает шарики?

– Да, – вздохнула Лена, – видимо, придется тебе все-таки поговорить с отцом. Меня ты не понимаешь. Хорошо, сейчас придем, и я тебе это устрою.

– Ма-ам, не надо, а? – попросила Вика.

Но случилось так, что дома Лена и думать забыла о Вике. Еще в прихожей ее встретил Борис: в полной форме, только что не в шинели.

– Лена, в чем дело? Где вы пропадаете целый час? Звоню в садик, там мне говорят, что давно уже ушли, а вас все нет и нет...

– Что-нибудь случилось? – испугалась Лена.

– Ничего не случилось, – несколько успокоился Борис, – просто нам надо быть сегодня в гостях.

– Сегодня?

– Сейчас... Мы уже должны быть там.

– Но я не готова, – растерялась Лена, невольно ощупывая прическу. – Почему такая внезапность?

– Так получилось, Леночка. Я тебя очень прошу, очень: соберись побыстрее. Машина уже ждет, но главное – ждут они.

– Кто?

– Бородулькины...

Вот тут Лена растерялась по-настоящему. Она много раз слышала эту фамилию, много раз пыталась представить, какой он, этот Бородулькин, по чьему велению в один день решается вопрос с детским садом, открыты двери в любой военторговый магазин (разумеется, двери «черного хода»), в двухмесячный срок выбивается квартира в самом центре города – не счесть за один раз возможности этого могущественного человека... И вот теперь, через несколько минут, она увидит Бородулькина воочию...

– Ты с ума сошел! – прошептала Лена. – Ведь я в таком виде...

– Леночка, бога ради, скорее! – только и смог ответить Борис.

И она совершила чудо: в полчаса успела накрутить и высушить феном волосы, нагладить вечернее платье, освежила лак на ногтях, подвела тушью глаза и даже сделала небольшую штопку на левой ступне колготок.

– Умница, – похвалил ее довольный Борис, когда она через полчаса предстала перед ним, – все очень в меру и очень хорошо, разве лишь...

– Что? – испугалась Лена.

– Убавить немного красоты, – улыбнулся Борис. – А то ведь влюбишь в себя старого Бородулькина.

– Глупости, – небрежно откликнулась Лена, но комплимент польстил ей...

Когда они пришли, у Бородулькиных давно уже все были в сборе.

– Опаздывает молодежь, опаздывает, – легонько пожурил Бородулькин, протягивая Лене крупную белую руку и внимательно заглядывая в глаза. – Петр Самойлович Бородулькин... Это моя жена, Эльза Карловна, это – племянник, его вы можете называть просто Гошей. Он зубопротезист. Отличный специалист, но несколько ленив, хотя и знает, что праздность утомляет больше, чем труд... Вон там, в кресле, мой заместитель, полковник Лазорский. Вы позволите? – Бородулькин взял Лену под руку и повел в большую, светлую комнату, попутно представляя ей своих родных и сослуживцев. – Да, Леночка, вы позволите мне так вот, запросто, обращаться к вам? Спасибо. Так вот, не коробит ли вас наша простая армейская форма? – И Бородулькин опять очень внимательно посмотрел прямо в глаза Лены. – Нет! Ну и прекрасно. Знаете ли, я в этой форме с июля 1941 года, очень привык к ней и теперь, на старости, не хочу менять. Как в свое время говорил Александр Сергеевич Пушкин: «Привычка свыше нам дана: замена счастию она». Не так ли?

Лена почувствовала, что пришла пора говорить и ей:

– Вам форма очень к лицу, – не очень уверенно, робея, сказала она. – Я вас почему-то именно таким и представляла.

– Ой ли? – погрозил Бородулькин пальцем. – И это после того, что в доме Сергеевых говорят обо мне?

– О вас? – искренне удивилась Лена. – А что должны говорить о вас?

Профессор понял свой промах и тут же постарался исправиться:

– Впрочем, кто теперь без дела вспоминает фронтовых друзей или, скажем так, старых товарищей? Шутка ли, сорок лет минуло... За это время наше поколение успело состариться, а отчасти и вымереть. Это так, прекрасная Елена, так! Это – закон природы! Как там, у древних римлян говорилось: лэкс, сэд лэкс... Кажется так, если мне не изменяет память. Что в переводе на наш великий означает: закон суров, но это есть закон... А теперь простите меня, старика, я вынужден на время вас покинуть. Но – только на время, – многозначительно улыбнулся Бородулькин, исчезая за тяжелыми, красного бархата портьерами.

В это время Борис беседовал с Эльзой Карловной, и Лена смогла оглядеться и немного прийти в себя. Большая комната, как видно столовая, была богато убрана. В огромных, массивных сервантах, стоящих вдоль стены, матово взблескивал под лампами дневного света дорогой хрусталь. Лена вгляделась и чуть не ахнула: целое сокровище было у нее перед глазами. Вазы самых причудливых форм, с чеканкой по серебру и позолоте, кувшины, графины и графинчики – чего здесь только не было! Отдельно громоздился китайский столовый сервиз из тончайшего фарфора, расписанный незатейливыми, но, одновременно, очень изящными рисунками из жизни китайского крестьянина. А фужеры, бокалы и всевозможные рюмочки из хрусталя! Сувениры и все дорогое, все притягивает и долго не отпускает взгляд. Однако же венцом всему великолепию была все-таки люстра, огромная, трехэтажная, с хрустальными подвесками...

– Лена, – тихо окликнул Борис, – не увлекайся. На тебя смотрят...

– Разве? – она смутилась и торопливо отошла к окну.

«В самом деле, – подумала Лена, – музей нашла... Неужели все заметили?»

Она украдкой посмотрела на присутствующих, но никто, казалось, не обращал на нее внимания, и Лена успокоилась.

Вскоре вновь появился Петр Самойлович, очень свежий, хорошо выбритый, в ладно сидящем на нем генеральском мундире (Лена вообще заметила, что форму здесь умеют носить и делают это с каким-то особенным шиком), и, добродушно улыбаясь гостям, пригласил всех за стол.

– Только у нас одно неперемutable правило, – поднял белую руку Бородулькин, – мужчины ухаживают исключительно за чужими женами.

Поймав удивленно-вопросительный взгляд Лены, он шутливо пояснил:

– За чужими женами, как правило, они ухаживают лучше. А принцип нашего дома: все для того, чтобы гостям было хорошо... Прошу садиться за стол.

Гости дружно сели.

– Вам вот сюда, ближе к центру, – мягким, приятным баритоном сказал кто-то над самым ухом Лены. Она живо оглянулась и встретила с добродушно-предупредительным взглядом Лазорского.

– А-а, спасибо...

– Как вы, видимо, догадались, – встречно улыбнулся Лазорский, – мне выпала приятнейшая честь – ухаживать за вами.

– Очень рада, – пробормотала Лена, хотя элегантно подтянутый, с маленькими полубаками и усиками Лазорский заметно смутил ее.

Когда все уселись, зачем-то потрогав и передвинув свои приборы, когда стихли шепотки и смешки, неизбежные в предвкушении долгого и вкусного застолья, Бородулькин попросил налить вино. Оказалось, что пробки уже выкручены и осталось только снять с горлышек капроновые крышки. Искристое виноградное вино легко замерцало в высоких хрустальных фужерах.

– Друзья! – Петр Самойлович поднял свой фужер. – Я предлагаю выпить за наших прекрасных дам!

Выпив половину, Лена задохнулась и поспешно отставила фужер.

Лазорский тут же склонился к ней:

– Вы любите острые блюда?

– Д-да...

– У профессора прекрасная корейская кухня. Здесь готовят восемь разновидностей салатов из морской капусты. И каких салатов! Хотите попробовать один из них?

– Пожалуйста, если вас не затруднит.

– Нисколько.

Салат и в самом деле оказался острый, смущало Лену только одно: сухое вино закусывать острым салатом? Лазорский, словно прочитав ее мысли, тут же объяснил:

– Здесь вот какая тонкость, Елена Леонидовна, в доме профессора Бородулькина не выпивку закусывают, а закуску запивают... Понимаете разницу? Поэтому на столе вино...

Лена с благодарностью кивнула Лазорскому, усиленно припоминая, какие вилки считаются десертными, а какие – столовыми.

– Позвольте тост?

С фужером в руке поднялся Лазорский. В это время Лена пробежала взглядом вокруг стола и слева от себя увидела Бориса. Ему досталось ухаживать за дочерью Бородулькина – черноокой красавицей, чем-то неуловимо похожей на артистку Самойлову. Лене очень интересно было посмотреть, как ухаживает Борис за посторонней женщиной, да еще такой красивой, но в это время Лазорский потребовал внимания, и она вынуждена была повернуться в его сторону.

– Что я хочу сказать. – И все-таки, какой приятный был у этого человека голос, Лена даже вздрогнула, так проникновенно говорил Лазорский. – Мы все, здесь находящиеся, в той или иной степени приходимся учениками Петру Самойловичу. И то, что сегодня мы здесь, под одной крышей, весьма символично. Это говорит о том, что мы, выполняя одно общее дело, как бы это поточнее сказать, все вылетели из одного гнезда... И гнездо это – школа профессора Бородулькина. Я предлагаю выпить за нашего учителя. Ур-ра!

Все дружно встали, хрустальный звон поплыл по столовой. Профессор Бородулькин, перехватив восторженный взгляд Лены, хитровато подмигнул ей. И так запросто он это сделал, так ловко и хорошо, что Лена покраснела от удовольствия. Он как бы сказал ей этим подмигиванием: ничего-ничего, давайте выпьем, но мы-то с вами знаем настоящую причину этого торжества...

– А вот это никто в городе лучше не готовит, – с гордостью сказал Лазорский, подкладывая на тарелку Лены какой-то буро-красный салат, как она успела заметить, с обжаренным кальмаром. – Кстати, приглядывайте за своим мужем, он так рьяно ухаживает за дочерью профессора...

– А за вами тоже приглядывают? – решила пошутить Лена.

– За мно-ой?!

– А что?

– Я убежденный холостяк, Елена Леонидовна, разве вам об этом не доложили?

– Пока нет, – засмеялась Лена.

– И только сегодня, глядя на вас, я слегка засомневался в своем убеждении...

– Теперь, друзья, – вновь подал голос Бородулькин, – давайте выпьем за всех вместе: за учителей и учеников! Одно из мудрых латинских изречений звучит так: учись от ученого, но неученого сам учи! Вот это и есть главный принцип нашего общения, за него и выпьем!

И опять все выпили по глотку, так что Лена невольно отметила: «А вина-то у них не так уж много уходит».

Перед кофе гостей пригласили размяться. Лена поднялась из-за стола с облегчением: казалось бы, все было просто и непринужденно, но она почему-то устала. Перехватив Бориса, Лена крепко сжала его руку и, оглянувшись, быстро прошептала:

– А нельзя нам сейчас уйти?

Борис тоже оглянулся и упрекнул:

– Лена, как можно!

– Хорошо, хорошо, – быстро согласилась она, – я думала, быть может, у них принято...

– Сейчас только все и начинается.

– Что, Боря?

– Увидишь... Потерпи немного.

Перед тем, как вновь пригласить к столу, потушили верхний свет и зажгли свечи. Хрусталь в громоздких сервантах засветился на гранях рубинами и агатами, и, собственно, только теперь можно было в полной мере оценить благородство редкого стекла.

– Вы не устали? – подошел Бородулькин к Лене.

– Ну что вы!

– Устали, – не стал слушать ее Петр Самойлович. – Да и мудрено ли: новые люди, новая обстановка. Но потерпите, сегодня мы засиживаться не будем. А если желаете, сразу после кофе можете пройти в молодежную комнату. Там будет музыка. Вы какую предпочитаете: серьезную или, как принято теперь говорить, легкую?

– Хорошую, – неожиданно для себя ответила Лена.

– Да? – профессор Бородулькин с любопытством посмотрел на Лену. – Это мне нравится. Я лично страстный поклонник Листа. Люблю Бетховена и не переношу Мусоргского. Все понимаю: его значение, его новаторский классицизм, если так можно выразиться, но – не принимаю. Хоть убей, мне его музыка кажется надуманной, с излишней претенциозностью... Н-да. А вам?

– Собственно, – она ничего не могла вспомнить из Мусоргского, – я с вами отчасти согласна. – И поспешно добавила: – А мне очень нравится Бах.

– Бах? Ну конечно! Орган, полифония... В Риге его слушают при свечах. Вы бывали в Риге?

– Нет.

– Вам непременно надо там побывать. До конца Баха можно узнать только там. Я имею в виду наше Отечество. Ведь для его сочинений нужен не только настоящий орган, но и соответствующее помещение. О-о, у них есть великолепные соборы. Но мы еще поговорим об этом. Хорошо?

Бородулькин привел Лену к ее месту и заботливо пододвинул стул.

«Вот кто по-настоящему интеллигентный человек, – восхищенно, с обожанием думала Лена. – Образованный, умный, начитанный... А сколько такта! Внимания! Ведь кто я для него – никто! Просто жена сотрудника, одного из многих. Да и сотрудника-то какого? Вчерашнего врача из провинциального городка. Таких тысячи. Десятки тысяч. Нет, надо быть врожденным интеллигентом, чтобы так вот...»

– Вам кофе с коньяком? – старательно исполнял свою роль Лазорский.

– Нет, что вы!

Напрасно, коньяк у профессора французский. Потом, острая пища, вино – все это угнетает организм, а вот коньячок взбодрит вас. Но если вы не желаете...

– Я не люблю с коньяком.

– Хорошо.

Кофейный сервиз из японского фарфора, глянцеви́то-черный, с золотыми ободочками, восхитил Лену. Случайно задев чашку серебряной ложкой, она услышала долгий, ни с чем несравнимый звон.

За кофе пошел беглый и самый разнообразный разговор. Словно выполнив какой-то ритуал, отдав дань благопристойности и сдержанности, все разом заговорили, задвигали стульями, в столовой стало шумно и весело.

– Теперь никто уже не спорит о том, что существует биологический центр Земли, – говорил Лазорский, – хотя еще вчера за это утверждение вас могли хорошенько взгреть. Биологическое поле становится таким же фактом, как само существование человека. Вы только родились, сделали первый вдох, а в биоцентр уже пошла шифровка, естественно, биологическая шифровка, о вас... Любое изменение в организме, любое проявление нашей самостоятельности – это всего лишь команды биоцентра.

– Ну, это вы хватили, – не выдержал молчавший весь вечер племянник Бородулькина, которого можно было называть просто Гошей.

– Я хватил?

– Конечно...

– А вы, Гоша, знакомы с трудами Вернадского?

– Допустим.

– Знакомы или нет?

– Читал, – нахмурил широкие брови Гоша.

– Ах, вы читали, – усмехнулся Лазорский, – а их изучать надо. Вы когда-нибудь думали о том, почему в средневековье жили ведьмы и почему охотились за ними? Борьба с еретиками? Верно! Но не только... Ведь чтобы объявить тысячи людей причастными к дьяволу, на то надо какие-то основания иметь: хотя бы одного человека, который был действительно причастен к нечистой силе. Дыма баз огня, как вы прекрасно знаете, не бывает. И такие люди были. Да-да! Люди, причастные к нечистой силе, а попросту, если перевести на современный язык, обладавшие повышенным биологическим полем. Понятно, я надеюсь... С принципом магнитных волн вы, надо полагать, знакомы? Так вот, здесь то же самое. Только от нас в центр и из центра к нам поступают биоволны... Мы с вами нормальные, « типовые » биопередатчики и биоприемники, а есть отдельные индивиды, у которых мощность приема и передачи биоволн в десятки, а то и в сотни раз сильнее наших. Хотя бы вот эта женщина из Грузии, Джуна Давиташвили. Ведь этот феномен вы отрицать не будете? Нет! А почему не будете? Да потому, что о нем вы прочитали в «Комсомольской правде», и не просто статью любознательного журналиста прочитали, а еще и комментарий академика, Героя Социалистического Труда, Кобзарева, которому вы не можете не верить. А там он, академик Кобзарев, между прочим, и такое вот пишет, – Лазорский достал из нагрудного кармана маленький аккуратный блокнот и быстро зачитал: – «Об этих полях и о роли, которую они играют в жизни и, в частности, в экстраординарных психофизических явлениях, мы до сих пор почти ничего не знаем. Важность исследования этих полей, изучение механизма их генерации и механизма воздействия на организм вряд ли можно переоценить...»

За столом притихли, но Гошу все сказанное ничуть не смутило.

– И все же это шарлатанство, – упрямо наклонил он крупную голову. – Тысячи, десятки тысяч человек под топор инквизиции. Они что, все с биополем? Шар-ла-тан-ство!

– Смотря что подразумевать под шарлатанством...

– А вот именно то, о чем вы говорите.

– Прекрасно, – казалось, Лазорский даже обрадовался возражению Гоши, так весело блеснули его маленькие, круглые глаза, так энергично положил он раскрытую ладонь на стол...

– Елена Леонидовна, можно мне с вами посидеть? – перед Леной стояла Эльза Карловна Бородулькина. – Знаете, так хочется поговорить со свежим человеком.

– Конечно! Садитесь, пожалуйста, – привстала Лена, неловко подтолкнув локтем Лазорского.

– Вы уж простите меня, старуху, за бесцеремонность...

– Да что вы, я очень рада...

– И потом, – не дослушала Эльза Карловна, легко опускаясь на стул, – если сцепились Эдуард Иванович с Гошей – это надолго... Признаюсь вам честно, все это чересчур умно для того, чтобы было интересно.

– А мне понравилось, как говорит Эдуард Иванович, – решила возразить Лена. – По моему, очень доказательно и убедительно...

– Да-да, конечно. Он умеет произвести впечатление. Раньше все о летающих тарелках говорил, теперь на биополя переключился. А весь-то смысл в том, что человек рождается и потом умрет – больше ничего нет... Все остальное – слова, слова и слова, которые придумал человек, чтобы скрасить ожидание смерти, и которые, собственно, ничего не выражают и не объясняют нам... Вот в этом графине вода. Ну и что? Какую информацию несет в себе это слово: вода? Что нового мы узнали о ней? Хорошо, разложим ее по таблице Менделеева, и что же? Да ничего... Такое-то количество кремниевой кислоты, такое-то щелочи и соли. Ну и что? Что нового мы узнали о воде? И так вот во всем, в каждом слове – абсурд! Впрочем, я заболталась. Со мною такое бывает. Скажу вам больше: в нашем доме любят поговорить. Иногда – чрезмерно... Скоро получите квартиру, да? – круто переменяла разговор Эльза Карловна. – Заживете своим домом. Как это прекрасно – начинать! А вот у нас, стариков, все неизбежно заканчивается. Да и слава богу – пожили. Вам сколько лет?

– Двадцать восемь. – ответила Лена.

– Вот видите, у вас отличный возраст! Работать будете?

– Думаю, что да...

– А я вот думаю, – Эльза Карловна поморщилась маленьким личиком, – что вам работать не следует... Родите еще одного ребеночка, заберите дочку из садика и воспитайте их хорошими людьми. Больше от вас ничего не требуется. А производственные планы пусть выполняют мужчины, в том числе и сын, которого вы родите...

– Да? – Лена была поражена силой и простотой этой мысли. – А я как-то об этом не думала...

– Ну, милая, это не ваша вина... Государство об этом должно думать. Вы счастливы в замужестве? – Эльза Карловна взглянула на Лену и быстро подняла маленькие ручки. – Не отвечайте... Кто из нас, женщин, счастлив замужем? Нам всегда кажется, что чего-то главного мы недополучили. Верно? Вряд ли это нас украшает, но что делать, если мы были, есть и будем таковы...

Из прихожей послышался шум, там хлопнула дверь, все насторожились и стали ждать. Вскоре тяжелые портьеры разошлись, и в столовую вошел невысокий молодой человек с продолговатым лицом. Он не сразу сориентировался в полусумраке и потому подслеповато щурился, на несколько секунд задержавшись у двери.

– Сашенька! – радостно воскликнула Эльза Карловна. – Вы все-таки пришли? – она протянула руку, и новый гость очень изящно ее поцеловал. – А это, знакомьтесь, Елена Леонидовна, супруга Бориса Сергеевича.

– Очень приятно, – вежливо пожал ее руку Сашенька и слегка наклонился, чтобы лучше разглядеть лицо новой гостьи. – Александр Станцев.

Его окликнул профессор, и он поспешно направился к хозяину дома, на ходу пожимая руки налево и направо. Цивильный костюм, модная прическа – все это никак не гармонировало с окружающей обстановкой и невольно заинтриговало Лену.

– Кто это? – с любопытством спросила она Эльзу Карловну.

– Молодой, но чрезвычайно талантливый поэт. Вы еще услышите его стихи, и берегитесь: Сашенька Станцев любит красивых женщин, – Эльза Карловна впервые улыбнулась.

– Спасибо, что предупредили.

– Да, все хотела спросить вас... Можно?

– О чем? – удивилась Лена.

– Как вас приняли Сергеевы?

– Хорошо, – не очень уверенно ответила Лена.

– Вы что-то недоговариваете?

– Хорошо, – более решительно повторила Лена.

– Понимаю, – Эльза Карловна положила маленькую, сухую руку Лене на локоть. – У профессора Сергеева ужасный характер, вы не находите? Он тиран. Талантливый тиран. Все и вся должны вертеться вокруг него... Конечно, он выдающийся ученый, великолепный практик, его операции зачастую уникальны, но... Впрочем, довольно об этом... Так вот, все это прекрасно. Но, извините меня, держать собственного сына где-то в провинции – я это отказываюсь понимать...

Лена устала, от свечей у нее разболелась голова, и Эльза Карловна вдруг стала уменьшаться в размерах, сжиматься так, что очень скоро превратилась в продолговатую, сморщенную грушу. Усилив воли сосредоточив внимание, она услышала:

– ...всегда близкие. Согласны?

– Да, разумеется.

– А теперь извините меня. Надо подать фрукты.

– Боже, как я устала, – обессиленно пожаловалась в машине Лена, – кажется, я еще никогда так не уставала. Главное, все говорят, говорят, говорят... И рядом с ними чувствуешь себя распоследней дурой.

– Это пройдет, Лена. Ты привыкнешь... А в общем, тебе понравилось?

– Еще бы! – искренне воскликнула она. – Я в первый раз вижу таких людей. И как у них все красиво! Да, Боренька, – Лена повернулась к мужу, – а ты не слишком усердствуешь с дочкой профессора, а?

– Ну что ты, Лена! – Борис признательно приобнял ее, и она успокоено положила голову ему на плечо. Но погон твердо уперся ей в шею, скоро стало больно, и Лена с досадой отстранилась.

– Из чего они, твердые такие?

– Внутри пластмассовые трафареты.

– А-а...

Машина подвернула к дому, молоденький солдатик проворно выскочил и открыл дверцу со стороны Лены. Ее это смутило, и, ступив на землю, она глухо пробормотала:

– Спасибо.

Шел второй час ночи. Лена подняла голову, силясь разглядеть звезды в холодном осеннем небе, но ничего не было видно. Она вздохнула и молча пошла в подъезд.

Х

Уже забереги по Грустинке легли, уже вершины сопок выбелило изморозью, когда Митька Бочкин появился в Леденеве. Надо сказать, что поборвался Митька до невозможности, в дыры на штанах разве лишь тело не светилось, ботинки давно «каши просили», а цвет кепчонки и криминалисту было бы не определить. Но, словно в пику своему никудышному виду, держался Митька на удивление заносчиво и нагло. Встретив мужиков на берегу, запоздало метавших из лодок привезенное с островов сено, Митька долго и сосредоточенно наблюдал за их работой, потом сплюнул и высокомерно спросил:

– К зиме гоношиться?

Мужики удивленно оглянулись и продолжали работать.

– У лукоморья дуб зеленый, – еще сказал Митька.

Мужики послали его, куда просился, и сели перекурить.

– Я чего к вам, – начал объяснять Митька, – мне бы одежкой разжиться. Ну, брючата там, куртец, сапоги. Как?

Мужики тяжело посмотрели на Митьку, на тусклое предзимнее солнце, клонившееся к закату, спросили:

– Все?

– Да, – ответил Митька.

– Ну и катись отсюда...

Митька мужиков не понял, однако дальше разговоры вести не стал и пошел в поселок.

«Колхоз, деревня, – презрительно и зло думал он, – ресторан от кафе не отличат, на асфальте спотыкаться будут, а туда же... Пораспустили языки, спецы хвостов и навильников...»

Так он думал и брел по широкой улице, между свеженьких, еще пахнущих лесом, домов, когда вдруг увидел знакомую высокую фигуру.

– Степа-ан! – радостно окликнул Митька. – Слышь...

Степан Налетов, возвращавшийся домой с работы, остановился и подождал, пока Митька подойдет.

– Ну, чего тебе? – не отвечая не приветствие, не очень-то любезно спросил он.

– Ты сильно торопишься?

– С работы иду, а что?

– Дело есть, – шмыгнул носом Митька.

– Мне твое дело, знаешь, как зайцу стоп-сигнал. У меня своего хватает...

– Верное дело, – Митька заволновался, – в обиде не останешься.

– А ты попробуй, обидь меня, – усмехнулся Степан. – Ладно, пошли ко мне, там расскажешь.

Митька заметно приободрился, поправил кепчонку и пошагал рядом с Налетовым.

Пока Степан умывался и приводил себя в порядок, Митька сидел в хорошо натопленной летней кухне и усиленно соображал, как ему разговор повести, чтобы и Степана на крючок зацепить, и шибко-то планов своих не открыть. И еще гадал Митька о том, оставит его или нет Налетов ночевать у себя. Лето, золотая Митькина пора, кончилось, и теперь уже не скоротать ночь у костра и нодью у самого поселка не соорудишь – еще прибьют после пожаров-то. Ведь толком до сих пор не отстроились, а зима на носу. Такие вот проблемы встали перед Митькой и совсем бы, смотришь, сломали его к заходу солнца, но, как и всякий деловой человек, да еще к тому же и мыслитель, согревался Бочкин идеями, жил ею, чуть ли не парил над людишками, мелочно околачивающимися на земле. А идея была! И какая идея! Больно и жарко в желудке

делалось, горячая волна дуром по всему телу катила и аж в голову била. Ради этой идеи, думал Митька Бочкин, все пережитое, все напасти можно было еще сто раз перетерпеть-перемочь...

– Ну, Бочка, – прервал торжественный ход его мыслей вошедший на кухню Степан, – обогрелся?

– Есть маленько, – осторожно откликнулся Митька, потому как вопрос был больно опасный: мол, если обогрелся, ну и вали своей дорогой...

– Теперь умойся, ужинать будем, – приказал Налетов, подав полотенце и кусок хозяйственного мыла. – Пошли на улицу, я солью.

Митька умылся, жадно внюхиваясь в запах мыла, промокнул глаза полотенцем, а затем поверх полой куртки прошелся.

– Ты чего это, – удивился Налетов, – полотенце экономишь?

– Так ведь черное будет, – честно сознался Митька.

– Ну и хрен с ним! – засмеялся Степан. – Баба застирает.

Смеху Степана Бочкин обрадовался и даже позволил себе некоторую расслабленность:

– Слышь, Степан, мне бы опорки какие-нибудь... Ноги напрочь сомлели.

– Сейчас принесу, – Степан насмешливо оглядел Митьку, – да и штанишки заодно, а то еще вывалишься в какую-нибудь из дырок.

На это Митька согласно хохотнул...

И вот они сели за стол и по первой налили.

– Ну, Бочка, со свиданьем, – поднял стакан Налетов. – Будь здоров!

– И ты будь! – ответил Бочкин и выпил, принял родимую, забыто прислушиваясь, как огненно катится она, достигает, достигла...

– Кх-хе!

– Закусывай. Пожары в этот год без груздочков оставили, – посетовал Степан, – да и с огорода ничего не взяли... Проворонили наши власти-то, в душу их перетак, все планы выполняют, о людях подумать некогда.

Однако стояли на Степановом столе соленые помидоры, капуста морковью светила, дымилась душистая крупная картошка, только что отваренная – с пылу-жару и на стол. Балык, нарезанный крупными ломтями, брусника в миске, ломтики малосолевой кеты в постном масле, брикет фабричного сливочного масла... Но на что обратил Митька особенное внимание, это на икру. Опытным глазом он сразу определил, что икра не какая-нибудь, а из первого улова, из рунного хода: янтарно-красная, плотная, икринка к икринке. «Уважает, – невольно подумалось Митьке, – иначе бы поставил ту, что для городских лопухов припасают: белесую, с прожилками, которой только автомобильные камеры клеить, а не человека доброго угощать». И Митька окончательно воспрял духом.

– Я тут хотел у мужиков одежку прикупить, – завалив картофаном с балыком первый голод, сказал Митька, – так они и разговаривать не захотели. Чего это они – сильно богатые стали?

– Дурак ты, Митька, – закуривая, неожиданно объяснил Степан, – у людей все подчистую погорело, а он ходит одежку скупает. Где они тебе ее возьмут, если сами остались в том, что на них было. Хорошо хоть полушубки и валенки к зиме завезли, а так-то в город на самолете мотаются, чтобы штаны да рубахи купить... Совсем ты, Бочка, одичал. Как же так-то живешь? Вон, люди в космосе полгода летали, а ты о них хотя бы слышал?

– Без надобности, – отмахнулся Митька.

– Ишь ты, лешак! – Степан еще налил. – Поехали.

– Давай.

Вторая уже миром покатила, хорошо проторенной тропкой.

– А Рашидка-то теперь, – после закуски вспомнил Степан, – баланду хлебает.

Митька икнул, но тут же выправился и спросил:

– Сколько ему?

– Червонец влепили... И это еще хорошо отделался. Баба у него бедовая: три раза с двумя чемоданами в Хабаровск смоталась до суда, а потом еще ездила. Смотришь на нее, в чем душонка держится, а чемоданы прет, как бульдозер. Килограмм триста икорки-то отвезла, не меньше. Вот и выхлопотала Рашидке червонец. А что? В сорок пять лет вернется, еще мужик будет хоть куда, не зря старалась...

– Ну а этот, стреляный-то, как он?

– Андрюха? А чего ему, поправляется. Слышно, вот-вот приедет. Но теперь, я думаю, – Степан усмехнулся, – осторожнее будет...

– Живучий, – вздохнул Митька Бочкин.

– Здоровьишко у него есть, это так.

– А Рашидка дурак! – запальчиво объявил Митька. – Зачем стрелял-то? Что он хотел доказать, что стрелять умеет?

– Ну не скажи! – мотнул тяжелой головой Степан. – Народ сейчас обозленный... Жрать нечего, а тут еще инспектора на рыбе звереют. Сами-то ее берут, причем – нагло берут, сколько хотят, столько и черпают, а ты не моги! Да что это, на меня в детстве корова наступила, что ли? – Степан обозлился. – Где они, сытые да гладенькие, были, когда мой дед с япошками воевал, партизанил вон в тех сопках и двух братьев там схоронил? И я сам их что-то в окопах не встречал, сытеньких-то, в черненьких пиджачках... Не было их там! А теперь появились, что в животе, что в заднице – одинаковые, морды от жира лопаются, глаза поганые... У них все, у этой сволочи: вертолеты, катера на подводных крыльях, японские сети и закон... А что у меня? А у меня как у латыша – хрен да душа. Сетчонка драная да лодка... Они жрать хотят, и все их родственники хотят, и родственники их родственников хотят, а я – нет! Понятно, Бочка?! А ты, «зачем стрелял?» Придумали, гады, нас браконьерами величать, все на нас валить... Вон, книжку как-то листал про царскую рыбу, – Степан кулак стиснул и по столу шарахнул, – и как же там нашего брата понужают, и как же сволочат-то нас... Э-эх! Да где глаза-то, чтобы не видеть, что самый главный браконьер у нас на службе у государства, указами и постановлениями от всех законов отгороженный. Вот кто нашей рыбе прикурить дает! А мы с тобой, Бочка – семечки, шелуха в сравнении с ними. Они вон, своими заездками Амур напрочь перекрывают, а мы... Да что там говорить! А заводы кто строит без очистных сооружений? Мы с тобой, что ли? А такой завод за один год нашей рыбки столько уморит, сколько нам, браконьеришкам, в два века не выловить. А что ему, заводу-то, у него на штрафы специально кругленькая сумма запланирована: переложил деньги из одного кармана в другой, и будь здоров. Хозяин-то у этих карманов один – государство, и что не перекладывать народные рублики... А вот из нас жилы тянут, нам всю душу выматывают. Вот так вот, Бочка, такие пироги на сале получаются – странные пироги, скажу тебе прямо. Так что о Рашидке говори, да не заговаривайся...

Степан заметно распсиховался, и Митька уже жалел, что завел этот опасный разговор. «Какое мне дело, – думал Бочкин, – до этих забот: кто имеет право, а кто не имеет право рыбу брать? Тут надо не право иметь, а уметь – вот в чем загвоздка. А горлом да ружьем, этак быстро окажешься там, где птицы не поют... Нет, с Налетовым связываться нельзя, а тем более – планы свои ему открывать. Хватит с него и сумасшедшего Рашидки. Свое интелего замухрянное я, Митька Бочкин, завсегда найду, а будет интелего, будут и барыши... Главное, сейчас умно дело повести».

– Ты, Бочка, человек здесь чужой, – продолжал Степан, – тебе наши заботы до фени. Тебе главное – побольше урвать и не попасться. И вот, скажу я по совести, что ты самый злейший враг нашей природе и есть. Нам бы скооперироваться, да тебе по рукам дать, чтобы дорогу на речку забыл, потом заводилки в разбое поукоротить, инспекцию к чертям разогнать, а остальным нашей рыбки поровну и хватило бы. Да, Бочка, это я тебе точно говорю...

– Чем же я тебе так насолил? – обиделся Митька.

– А тем, что всех вокруг пальца обвести хочешь, – Степан неожиданно трезво посмотрел на Митьку. – Вот возьму я тебя сейчас, ласкового, за шиворот и к Груздинскому отведу, а ты ему там объяснишь, чем у переката занимаешься.

Митька побледнел и покосился на дверь.

– Но я тебя к нему не поведу, – усмехнулся Налетов, – потому как не ты, так другой будет... Хрен с ней, золотой рыбкой, аукнется еще она кому-нибудь. Выпьем, Бочка!

Степан разлил остатки водки и поставил пустую бутылку под стол. Молча выпили и сразу закурили.

– Дело-то какое у тебя ко мне? – наконец, спросил Степан.

Митька вздрогнул и сжался: вот и наступила минута, ради которой он все тут выслушал, все стерпел. Настала пора действовать.

– Есть у меня одна мыслишка, – Митька встал и плотнее прикрыл дверь, – давненько она у меня, а теперь вот решил осуществить...

Через неделю, когда уже легкая шуга по Грустинке со звоном сплавлялась, тяжело груженная лодка Степана ушла вверх по реке. Вернулся Степан через день, а тут и Митька Бочкин с тяжеленным рюкзаком за плечами объявился. Был он довольно сносно одет, побрит и пострижен. И сразу стало видно, что Митьке еще жить да жить до седых-то волос, и жить не на печке...

– Все достал? – спросил Митьку Налетов.

– Достал, – довольно усмехнулся Митька. – Капканов полста штук, новехонькие, в масле еще, и столько же – один сезон отработавшие.

– Хватит, – одобрил Степан, – еще чего из ружьишка добудешь.

– Это само собой.

– Валенки, шапка, рукавицы?

– В рюкзаке.

– Лыжи?

– Каких надо – не было, а барахло, как договаривались, брать не стал.

– Ладно, мои возьмишь... Значит так: продукты и боеприпасы на месте, ружье куплено и тоже уже там. Я смотрел, ореха в том месте много, пожар-то далеко стороной прошел, так что все в порядке. Не будешь дурак – все будет у тебя... Два килограмма мяса в песок на отмели закопал, тухнет, как раз ко времени будет готово. А так рябчиков нашелкаешь, да мало ли дичи в тайге... Земли под зимовье в три штыка выбрал, больше не успел. Но за это не бойсь, до ледостава жилье срубим. Главное, бензопила у меня есть, с нею мы в один момент сруб навалием.

– Ружье-то какое? – поинтересовался Митька.

– «Иж-12». Ружье хорошее, убойное, в добром состоянии. Я из него стрелял, бьет – дай бог каждому.

Они и еще обговорили всякие мелочи, сидя все на той же летней кухне, а как только стемнело, дружно взялись перетаскивать груз в лодку. Раньше чего, раньше бы плевое дело от дома Налетова к лодке пройти, а вот новый поселок выше по кособогу срубили, и пока они все переволокли, взмокли изрядно, да и времени много потеряли. Степан, из осторожности даже от фонарика отказавшись, все в лодке уложил сам, проверил бензин в баках и только после этого спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.